Огни над волнами

Автор:
Андрей Васильев

Огни над волнами

Андрей Александрович Васильев

Ученики Ворона #3

Если ты подмастерье мага – будь готов к тому, что спокойная жизнь для тебя кончилась. Все маги по своей сути не самые лучшие люди. А уж если тебе достался в учителя чародей по имени Ворон, который всем известен своим скверным характером, то готовься к тому, что тебя ничего хорошего в обозримом будущем не ждет. Потому как то, что с тобой случается, хорошим не назовешь. Например – тебя могут отправить на войну, как раз потому что ты ученик Ворона. Одно хорошо – не только тебя, но и всех твоих соучеников тоже. И наставника за компанию. Одному выживать тяжело, вместе проще. Или наоборот – сложнее?

Андрей Васильев

Огни над волнами

Глава первая

– О, и вы вернулись! – дружелюбно заулыбался горбатый Тюба, который, как всегда, добросовестно выполнял свои обязанности привратника. – Вот хорошо-то! А то я все один, один. А осень – вон она, наступила уже. И дров надо запасти, и каштанов насобирать, и много чего другого сделать. А рук у меня две, всюду

не поспеешь!

– Хоть кто-то нам в этом замке рад от всего сердца, – Аманда глянула в сторону арки, ведущей во внутренний двор. – Спасибо тебе, Тюба.

– Так, а как же? – осклабился горбун. – Я к вашей братии завсегда с симпатией отношусь. А что же – вроде лошадки-то у вас другие? Монсеньор Гарольд, а где ваш Королек? Да и больше вас уезжало из замка.

Привратник погрустнел, он обвел наши лица взглядом, задержав его на черном наглазнике Луизы и красно-бугристом шраме, разделившим ее лицо надвое.

– Так бывает, Тюба, – мягко сообщила ему та. – Просто дороги – они такие… Никогда не знаешь, куда приведут и что они для тебя припасли. Вот и лошадки наши далеко отсюда остались, и нас стало поменьше.

– Те, что вчера с мистресс де Фюрьи приехали, они тоже не все вернулись, – глухо сообщил нам привратник. – Двоих я недосчитался.

– Как уже было сказано, еще пара таких летних прогулок – и нас вовсе не останется, – мрачно подытожил де Лакруа. – Ладно, поехали в замок, надо наставнику сообщить о возвращении и отдать то, за чем он нас посылал.

– Это я должен был сказать, – как-то даже обиделся Гарольд. – Вот, Тюба, так всегда и бывает. В походе ночей не спишь, думаешь о том, как бы так сделать, чтобы все были сыты и бодры, как цели достигнуть и назад вернуться, а в финале кто-то непременно себе захочет лавры присвоить.

– Ваша правда, монсеньор Гарольд, – закивал своей огромной головой привратник. – Так же у моего батюшки было, когда он, стало быть, медведя-людоеда зимой на рогатину поддел. Папаша мой его, значит, в берлоге-то разбудил, тот заревел, из нее полез…

Щеки де Лакруа запунцовели, он, насупившись, глянул на Монброна. Луиза и Аманда звонко рассмеялись, потом к ним присоединилась и Фриша.

– Невероятно занимательная история, – не очень учтиво перебил его я. Мне хотелось побыстрее увидеть наставника и отдать ему бумаги Августа Туллия. Кто знает, что придет в голову Ордену Истины? А если сюда уже движется отряд крепких ребят в черных балахонах? И еще один вопрос у меня к нему был, он у меня в голове давным-давно вертелся. – Мы непременно её дослушаем – но потом. Мастер Ворон в замке?

– Где же еще? – и не подумал обижаться Тюба. – У себя он, как всегда. А то и в столовой уже, дело-то к обеду идет.

– Это шутка была, – Гарольд понял, что немного перегнул палку с де Лакруа. – Робер, не держи на меня зла, хорошо? Просто я до сих пор не верю, что мы смогли проделать этот путь туда и обратно, вот и несу всякий бред.

– Шуточки у тебя, – проворчал тот и направил своего коня в арку.

Странное дело – не было-то нас тут всего ничего, а ощущение создавалось такое, что целая жизнь прошла. Это было так же, как когда уехал ты из дома молодой, красивый, полный сил и надежд, а после вернулся туда же через очень много лет – старый и никому не нужный. Ты где-то бродил по свету, сражался, влюблялся, постепенно терял надежды, волосы, зубы и конечности, в результате остался ни с чем – а тут ничего не изменилось. Тот же дом, тот же скрип лестничных ступенек, разве только что дубы подросли немного. Хотя – возможно, это не они подросли, просто это тебя жизнь-хитрюга так к земле пригнула. Стоишь ты и думаешь: «Может, и вовсе не надо было из дома уезжать?»

Вот и у меня было такое же чувство. Двор тот же, камни те же – все то же самое, что и весной. А мы – другими стали, и от этого как-то неуютно очень на душе.

– Хвала богам – живой! – раздался голос, который я ни с каким другим не спутал бы. – Не поверишь, Эраст – я начала за тебя волноваться. Как правило, обычно я волнуюсь только за себя саму, любимую, потому переживать за кого-то другого мне очень и очень непривычно. Хотя где-то даже приятно.

Это была Рози. Она уже сменила охотничий костюм на платье и выглядела так, как будто все лето где-то отдыхала и бездельничала, а не странствовала по прихоти Ворона. Может, только нам невеселая судьба выпала, а у них все шло

как по маслу? Хотя нет, Тюба сказал, что они двоих потеряли. Ведь не грибами же эти двое отравились, в самом-то деле?

– Рози, – я принял как должное её объятия, но обошелся братским поцелуем в щеку.

– Так, – похолодел ее голос, она невероятно ловко цапнула мой подбородок и уставилась мне в глаза.

– И что ты хочешь там увидеть? – насмешливо спросила у нее Аманда, спрыгивая с коня. – Синюю муть и хитрые мыслишки? В этом нет ничего нового. В этом весь фон Рут.

– Грейси, – нехорошо прищурилась Рози, поворачиваясь к Аманде. – Надеюсь, ты помнишь о том, какая кара ждет распутницу, которая умышленно совратит обладателя «перстня двух душ»?

– Ничего хорошего её не ждет. Или его – в зависимости от ситуации, – подсказала Фриша. – Но ты можешь быть спокойна – Аманда на фон Рута не посягала. И никто другой этого не делал, разве что в Эйзенрихе он где-то прошлялся несколько часов. Но я бы продажных девок за измену не считала.

– Как посмотреть, – возразил ей Карл, соскакивая со спины своего коня, который после этого облегченно зафыркал. – Сосед моего батюшки, Максимилиан фон Винтер, как-то раз вот так же к девкам съездил. Дело обычное, и даже супруга его к этому спокойно отнеслась, пока не выяснилось, что девки те его болезнью потешной наградили. И все бы ничего, вот только та же хворь потом обнаружилась еще у конюха, кравчего, постельничего, а после еще и у их жен. Ох, и шумное было разбирательство, кто кого и в какой последовательности этим делом наградил!

– Мое желание посетить Лесной Край крепнет день ото дня, очень уж у вас там жизнь интересная, – Монброн глянул на своего нового скакуна и вздохнул. – Только сначала надо нормальную лошадь купить будет. И домой написать, чтобы денег прислали.

– И обучение закончить, – в тон ему нараспев произнесла Рози. – По лицам вижу – с удачей вернулись. Вот только уезжало-то вас побольше.

– Как и вас, – не остался в долгу Гарольд. – Нам уже сказали, что двое из твоего отряда не вернулись.

– Расти и Марта, – кивнула Рози. – Глупо все вышло, под камнепад попали. А так – как есть вакации вышли, прогулка, да и только.

И она одарила моего друга широченной улыбкой.

В этот момент из дверей замка вышла ее подруга Эбердин, причем изрядно прихрамывая.

– Оно и видно, что всё прошло весело и беззаботно, – согласился с Рози Монброн, который тоже подметил ее походку. – Что до камнепада – бывает.

– Флайт не вижу, – прищурилась Рози. – Стало быть, не повезло малышке Фло?

– Не повезло, – подтвердил я. – И Ромулу с Фликом тоже. Дороги, знаешь ли, не везде безопасны. Разбойники, то, се…

– Разбойники, – Рози щелкнула пальцами и хозяйским жестом погладила меня по щеке. – Спасибо, что напомнил. Монброн, нам надо будет поговорить наедине.

Судя по всему, известие о смерти трех наших соучеников ее совершенно не тронуло. Погибли – и погибли. Хотя, ради правды, новость о смерти Расти и Марты меня тоже не заставила пустить скупую мужскую слезу. Жалко ребят, но что поделаешь, мы сами избрали этот путь. Да и не сходился я близко ни с тем, ни с другой. Больше скажу – Расти я не слишком-то и любил: он был близок к Мартину и постоянно ошивался около него.

– Почему нет? – легко согласился Гарольд. – Если только Эраст не начнет ревновать. Только давай чуть попозже, мне надо наставнику доложиться о прибытии.

– Это надо не столько мне, сколько тебе, – пожала плечами Рози. – Просто у меня есть кое-какие новости из Силистрии, вот какая штука.

С лица Гарольда мигом слетела маска благодушия.

– Я быстро, – пообещал он моей нареченной и обратился к нам: – Все, пошли.

Эбердин тем временем спускалась вниз по лестнице, придерживая правую ногу рукой. Я не большой знаток в ранениях, но тут явно не вывихом пахло.

– Привет, Мак-Майерс! – проорал ей Карл и взбежал вверх по лестнице. – Помочь спуститься?

– Сама, – проворчала девушка. – Знаю я таких помощников, как ты, только облапаешь всю.

Дело было не только в этом, Эбердин просто любила все делать сама, без посторонней помощи. Горцы – они все такие: что мужчины, что женщины.

– Ого, – заметила она Луизу. – Де ла Мале, я смотрю, лето-то задалось?

– Не то слово, – криво улыбнулась та. – Всю жизнь его вспоминать буду.

– И я тоже, – Мак-Майерс показала на ногу. – Лекарь сказал, что если очень повезет, то все с ней будет нормально, и она только к непогоде ныть станет, и то не сейчас, а потом, к старости, если доживу до нее. А вот если нет, то хромать мне всю жизнь.

– С Вороном поговори, – посоветовал ей Карл, симпатизирующий уроженке Предгорья. – Чего теряешься?

– Уже, – Эбердин скривилась. – Рози вчера еще к нему подступилась с этой просьбой.

– И чего? – заинтересовался я. Вопрос это был не праздный, у меня к наставнику тоже была груда вопросов личного характера.

– Того, – хрипло хохотнула Мак-Майерс и передразнила нашего учителя: «Вы уже подмастерья, вон моя кладовая, там есть все ингредиенты и компоненты для мазей и зелий. А я пойду посплю». А то вы Ворона не знаете.

– Ну да, это на него похоже, – согласился с ней Карл. – В этом он весь.

– Фальк! – с верхней ступеньки гаркнул Гарольд. – Ты идешь или нет? Эраст, Луиза, ну что такое?

Судя по всему, слова Рози его взволновали, у него в голосе появилось некое беспокойство.

– Идите уже, – Эбердин с иронией глянула на Монброна. – Дерганый он какой-то вернулся. Хотя, судя по всему, вам досталось не меньше чем нам. Флайт не вижу, еще с вами этот уезжал, как его… Мелкий такой…

– Флик, – кивнул я. – Ну да, уезжать – уезжал, вот только не вернулся.

– Про то и речь, – вздохнула девушка и стала медленно спускаться вниз.

– Бедняжка Мак-Майерс, – вздохнула Аманда, когда мы уже шли по коридорам замка. – Сейчас де Фюрьи узнает, что Эбердин разнесла по кирпичику ее байки о том, что в их путешествии все было легко и просто, и той достанется по первое число.

– Не понимаю, зачем Рози понадобилось врать про то, что в их странствии все было гладко? – произнесла Луиза. – Смысл? Показать, какой она умелый и предусмотрительный лидер? Выдержать позу? Нет, совершенно не понимаю.

– А мне не это любопытно, – подал голос я. – Мне другое интересно. Мне бы хотелось знать, как именно умерли Расти и Марта. В камнепад я верю слабо, по крайней мере в то, что они оба сложили голову под ним. Детали бы заполучить. А что если не только нас Орден Истины пытался прижучить?

– Ну, так в чем же дело? – преувеличенно бодро рассмеялась Аманда. – Прижми ее вечерком к стенке в каком-нибудь темном коридоре, похватай за бедра, помни грудь – она все и расскажет.

– Да если бы все было так просто, я бы именно этот путь и выбрал, – вздохнул я. – Это Рози, ее таким образом не разговоришь. Хотя – почему нет, попробую этот метод непременно. Да нынче же вечером. Осень, холодает, самое время

погреться.

Гарольд и Карл немедленно расхохотались, Аманда сжала губы и ничего мне не ответила.

Ворон сидел в своем любимом кресле, покуривал трубку и что-то говорил Гелле, которая расположилась за столом со свитком пергамента и гусиным пером. Слушая его, она то и дело кивала, делая в вышеупомянутом свитке пометки.

– Добрый день, мастер, – громко сказал Монброн, входя в обеденную залу. – Рад видеть вас в добром здравии.

– Рад бы сказать то же самое, вот только, боюсь, это будет враками, – Ворон прищурился. – В смысле «доброго здравия». Что-то де Лакруа бок бережет, да и Фальк немного скособочился. Де ла Мале, судя по всему, вам досталось больше остальных?

– Не без того, – твердо ответила Луиза. – Но трем другим нашим спутникам повезло еще меньше. Ромул, Флик и Флоренс Флайт остались там, куда вы нас послали.

– В Гробницах? – удивился маг. – Все трое? Бесспорно, любой некрополь – это не лучшее место для прогулок, но для ночных. Если пойти туда днем, то эти места вполне безопасны. Что до крипты – там вовсе нечего опасаться. Или вы все-таки сунулись туда ночью?

Мы в унисон засопели.

– Но – трое! – продолжал препарировать нас маг. – Даже с тем небольшим багажом знаний, что я вам дал, вы должны были отбиться от тамошних обитателей. Да попросту сбежать, не принимая бой, в этом нет позора: вы маги, а не воины. Самый страшный тамошний обитатель, тот, которого кличут «Многоликий червь», опасен, но крайне медлителен, от него даже калека сможет ноги унести.

Ага, если только этого калеку окончательно от страха не парализует. Видел я того червя, он жуткий, как моя жизнь.

– Да нет, – заявил вдруг Карл, перебив Ворона. – Ромула тут неподалеку разбойнички подстрелили, а Фло и Флика в заварушке с Ор…

Гарольд толкнул его в бок, глазами показав на Геллу, с интересом слушающую беседу.

– Короче, не в некрополе они погибли, а у его стен, – закончил за Карла я. – Так получилось.

– Но задание мы выполнили, – перехватил инициативу Монброн и достал из сумки рукопись, носящую название «Кольцо жизни», ту самую, за которой мы ездили. – Вот эта книга. Правда она не содержит в себе никакой магии. Это совсем другое.

– Я знаю, – откликнулся Ворон. – Давно хотел почитать, очень много слышал о большом стихотворном таланте того мага, который её написал. И, если вам интересно – удивлен. Не думал, что вы сможете добыть этот фолиант, по крайней мере, мне в свое время этого сделать не удалось. Нет, какое все-таки славное поколение идет нам на смену, а! Если бы еще и все обратно вернулись, то совсем были бы молодцы.

Монброн подошел к магу и протянул ему книгу.

– Почитаю на сон грядущий, – заверил нашего командира Ворон и отдал книгу Гелле. – Отнеси в мои покои. А вы – садитесь за стол. Я угощу вас обедом, заслужили. И еще – я хочу послушать о том, что вы видели и делали в своих странствиях, со всеми подробностями и деталями. И сразу, пока не забыл – Луиза, вечером загляни ко мне, я посмотрю твою рану. У меня нет таких познаний в целительстве и искусстве сохранения красоты, как у моих старинных приятельниц Виталии и Эвангелины, но кое-что я еще помню.

– Непременно, мастер, – кивнула де ла Мале. – Если честно, я очень надеялась от вас что-то подобное услышать.

– И правильно делала, – выпустил облако дыма Ворон. – Хотя я и отсюда вижу, что зажило все неплохо, тут моя помощь и не нужна. А вот уменьшить шрам, сделать его менее заметным – попробуем. Глаз, я так понимаю, спасти не удалось?

– Нет, – ответил за замешкавшуюся девушку Карл. – Сабельный удар, он сразу вытек.

Луиза дернулась. Как бы хорошо она ни держалась, воспоминания о той жуткой ночи около Гробниц были еще слишком свежи в нашей памяти.

Рассказ мы начали не сразу, сначала пришлось сходить на кухню за хлебом, жарким и вином, что, впрочем, не сильно нас затруднило.

Историю нашего путешествия Ворон слушал крайне внимательно, время от времени что-то уточняя и заставляя нас упоминать о разных мелочах, которые мы за незначительностью опускали. Точнее – это делал Гарольд, который и был главным рассказчиком, а мы его дополняли.

Особенно он заинтересовался событиями той ночи, что мы провели в пустошах Лироя, в развалинах старого замка.

– Стало быть, звали этих призраков Марк и Леон, – загнул два пальца Ворон. – Надо полагать, это были Леон «Счастливчик» и Марк «Пузырь». А девушку как звали?

Мы переглянулись. Как-то вылетело ее имя из головы, вот напрочь.

– Не Гертруда? – без малейшего намека на улыбку поинтересовался мастер. – По всему выходит, что это она была. Белинда и Розалинда никогда не разлучались, Мелли Си погибла в последней битве, это было закреплено в рукописях, равно как и смерть Сюзанны Клети, ее сожгли при огромном стечении людей. Значит это была Гертруда Раваль, также известная как «Гертруда Отравительница».

Я потряс головой. Наш наставник что, застал их всех при жизни?

– Точно, Гертруда! – хлопнула в ладоши Аманда. – Так и есть! Мастер, вы что, их знали?

– Грейси, ты меня иногда изумляешь до невозможности, – вздохнула Фриша. – Просто наш наставник хорошо знает древние легенды. Этим призракам лет сколько, сама посуди?

– История Виталия и его двенадцати учеников относится к разделу особо запретных знаний, – пояснил Ворон. – Мне всегда было любопытно то, что запрещено, плюс от всей этой старинной истории исходил более чем притягательный аромат тайны и бунта, как мимо такого пройти? Вот и посидел в свое время в архивах, пообщался с людьми, которые что-то слышали, что-то читали, что-то передавали от отца к сыну. Интересно было узнать, что тогда на самом деле случилось, почему столько запретов на всем, где только мелькает имя Виталий.

– И что, много узнали? – с интересом спросил я.

– И да, и нет, – помедлив секунду, ответил мне Ворон. – Я успел узнать достаточно для того, чтобы немного понять истинные мотивы восстания и цели Виталия, но не прошел так далеко, как хотел бы. Мне для начала изрядно хлопнули по рукам, чтобы не тянул их куда не надо, и дали понять, что в следующий раз вдарят по другому месту, более чувствительному. Причем не только мне, но и тем, с кем я дружу. Точнее – дружил. Если моя голова – она только моя, что с ней хочу, то и делаю, то головы моих друзей – это другое дело. Ими рисковать нельзя. И я оставил свои поиски, во избежание.

– Не похожа эта Гертруда была на отравительницу, – Аманда поджала губы. – Девчонка вроде нас, ничего в ней рокового не было. Отравительницы – они другие, я видела, у нас в королевстве их время от времени казнили.

– А она такой и не была, – подтвердил наставник. – Просто случилось так, что именно ее заподозрили в отравлении брата одного из тогдашних королей. При этом она как раз пыталась его спасти от смерти, потому и была с ним до конца, до того момента, когда он испустил дух. Потом ее застали над бездыханным телом и обвинили в его смерти. Обычное дело. Как и то, что на основании этого ее приговорили к сожжению на медленном огне. Последнее, правда, не воспоследовало, ее успели похитить из камеры в последний момент и переправить на Юг, где в то время обретался сам Виталий. Ну а потом дороги привели её в Лирой, где, собственно, она и нашла свою смерть. Но это я уже связал то, что сам знаю, с тем, что вы мне рассказали. Слушайте, вы везучие ребята. Вот так встретить свидетелей той эпохи, пообщаться с ними и остаться после этого в живых – это невероятная удача.

– Насчет пообщаться, – это да, а насчет остаться в живых… Они же сказали, что не тронут нас, – пожал плечами я. – Они же такие, как мы… Или почти как мы.

– Про то и речь, – пояснил наставник. – Вам повезло в том, что они помнят, какими когда-то были. Призраки магов, да еще такие древние – это не просто концентрированное зло, это как-то по-другому называется, даже я сразу подходящего слова не подберу. Не стану врать, если бы мне пришлось с ними столкнуться, то до утра шансов дожить почти не было бы. Порвали бы эти трое и мое тело, и мою душу на мелкие кусочки. Их прижизненный опыт и тяжкое посмертие – это такая мощь, что говорить страшно. А оно у них всех такое, что не дай боги никому, и я сейчас не про то, какую лютую смерть они приняли, говорю, а про совсем другое. Я-то полагал, что тогдашние архимаги сделали все, чтобы закрыть всем двенадцати ученикам Виталия путь к упокоению душ, и обрекли их на вечные муки. Однако же вот, ошибся, по крайней мере – отчасти. Виталий, оказывается, провел над ними ритуал посмертной памяти, как видно, подозревал, что в случае его поражения душам учеников не будет покоя. Разумно, хотя и жестоко. Впрочем – спорный вопрос, как оно лучше – тут призраком существовать или там, невесть где, в виде мятущейся души. До той поры, пока сам этого не попробуешь, не разберешь до конца, как оно обстоит на самом деле.

– Почти ничего не понял, – пожаловался невесть кому Карл.

– А я, кажется, поняла, – медленно проговорила Аманда. – Они говорили о каком-то старом заклятии, которое произнес их наставник в день вручения посоха. Вы о нем?

– Именно, – Ворон снова начал набивать табаком свою трубку. – Нет, ну какая мощь была у магов прошлого, а? Я читал про ритуал посмертной памяти, только поверить не мог, что это не теоретическая выкладка, а вполне реальное заклинание. Такое плетение, такие формулы никто из ныне живущих повторить не сможет, это уж вы можете мне поверить. Сами посудите – тут и магия жизни, и магия смерти, и изменение сознания, причем у живого человека, более того – мага, и еще несколько несочетаемых нюансов. И самое главное – магия времени, а это вообще запредельные высоты. И все это спаяно в единую формулу.

Я впервые видел нашего учителя настолько раздухарившимся.

– Магия жизни и магия смерти в одном заклинании? – это была Гелла, которая как-то незаметно снова оказалась в зале. – Наставник, вы же говорили, что эти две разновидности невозможно смешать воедино. Жизнь – это жизнь, смерть – это смерть, они несочетаемы, одно с другим находится в вечном споре и вражде.

– В том-то и дело! – махнул трубкой Ворон. – И еще – время! Время, магия которого по сути вообще не является величиной. И ведь он не просто сплел это заклинание, он применил его двенадцать раз подряд. Двенадцать! Представьте себе, сколько энергии ему для этого понадобилось. Или же он нашел путь обхода этой проблемы, нашел способ черпать силу из каких-то других закромов, а не из себя самого и окружающего нас мира. Нет, Виталий был величайшим магом своего времени, а может, и вовсе лучшим в истории континента. Обрывки летописей не врали.

– Что-то мне подсказывает, что именно это его и сгубило, – предположил я.

Люди не любят новое и тех, кто это новое им приносит. Мне так мастер-вор говорил, а он эту жизнь знал так, как никто не знает, так что ему можно верить.

– Ну да, – подтвердил Ворон. – Это и сгубило. Точнее, не только это, насколько я понял, там много разного сплелось в один клубок, из него потом и вытянули ту веревку, которой Виталия к столбу на горе Штрауфенгофф привязали.

И он замолчал, попыхивая трубкой.

– Продолжать? – минутой позже спросил у него Гарольд.

– Само собой, – одобрил его мысль Ворон.

– Гелла, пойми правильно, – повернулся мой друг к девушке, которая уже пристроилась за стол рядом с нами. – Не обижайся, но дальше я хочу рассказать то, что предназначено только для мастера.

Луиза и Аманда обменялись взглядами и многозначительными улыбками, смысл которых мне был предельно ясен. Имелось в виду, что секретов для Геллы после этого лета в замке Ворона осталось не так уж много. Вполне вероятно, они и правы, но я Гарольда поддерживаю. Расскажет наставник ей потом о

дальнейших наших похождениях, не расскажет – это сугубо его дело. А мы все сделаем сейчас так, как положено.

И потом – не тот человек Ворон, чтобы любимчиков заводить. Любовниц – возможно, но эти слова хоть и однокоренные, но несут в себе разные смыслы.

– Гелла, скажи остальным подмастерьям, чтобы они нас не беспокоили до той поры, пока я не закончу беседовать с прибывшими, – произнес наставник.

– Хорошо, – покладисто ответила девушка и покинула залу.

– Итак, что было дальше? – с любопытством поинтересовался мастер. – Что именно не должна слышать ваша соученица?

– Сразу к этому вопросу переходить или все-таки по порядку рассказывать? – уточнил Гарольд.

– Порядок должен быть всегда, – сообщил ему Ворон. – Как без него. Так что – будь последователен, Монброн.

Вот правду говорят люди – дорога длинна, когда меряешь ее ногами, и коротка – когда словами. Уже скоро рассказ Гарольда дошел до того эпизода нашего путешествия, который я, скорее всего, буду помнить всегда.

– Орден Истины, – Ворон скривил рот в усмешке, только я не смог определить, была она ироничная или злобная. – До чего неугомонные. Вот не любят они меня.

– Не любят, – поддакнул ему Карл. – Сильно не любят. Сам слышал.

– Со мной все ясно, вас-то зачем в это впутывать было? – Ворон нехорошо прищурился: – Грейси, мне не нужен ваш комментарий по этому поводу, это риторический вопрос. Я сам знаю на него ответы, причем все, от «Все средства хороши» до «Через нас вас прихватить попроще». Вот только это все так, отговорки. Нет-нет, я не собираюсь сейчас терзаться муками совести по поводу гибели моих подмастерьев, речь не об этом. Просто я никогда не воюю с детьми и не люблю тех, кто это делает.

– Вам совсем не жалко наших друзей? – спросил у наставника де Лакруа. – Они погибли, выполняя ваш приказ, как-никак.

– Я человек, а не статуя, – ответил ему Ворон. – Как человеку мне их жалко, а вот как наставнику, учителю и магу – нет. Жизнь в нашем мире такова, что каждый из вас должен четко осознавать, что он делает, что он говорит и какова его ближайшая и дальняя цель. До слова, до жеста, до интонации. Вы – будущие маги, и вся ваша жизнь будет походом по тонкой веревке, натянутой над пропастью. Чуть в сторону – и все, под вами пустота. Вас будут бояться люди, не любить власть предержащие и ненавидеть собратья по цеху. И каждая ошибка может стоить вам жизни, как минимум. Весь прошлый год я вас учил именно этому, и путешествие, что вы совершали, было экзаменом в первую очередь по данной дисциплине. И трое из вас его не сдали. Ромул не надел кольчугу, хоть все знают, что леса герцогств – рассадник разбойников. Флик дал слабину, позволил себя запугать, сломался. Хотя умер он как мужчина, этого не отнять. Что же до мистресс Флайт – ее погубила несдержанность. Есть мужчины, которые боятся женщин и невероятно трясутся за свою репутацию, она обязана была это просчитать, не давать воли эмоциям. Покойный Август Туллий, судя по всему, был из таких. Так вот – Флоренс ударила по его самолюбию, чем здорово навредила всем вам и себе в первую очередь. Слово – ваш первейший друг и одновременно с этим – злейший враг, все зависит от того, как вы его используете. Кстати, судя по описанию этого самого Августа, я знавал его деда, редкой пакостности был человек. Такие черты передаются по наследству, знаете ли.

– Вот это да, – переглянулись мы. – А еще говорят, что мир велик.

– Да тут все просто, – Ворон почесал затылок. – Его дед был родным братом моего однокашника, Гая Петрониуса Туллия, с которым я был очень дружен, и в доме которого как-то все летние вакации провел.

Кого? Гая Петрониуса Туллия? Боги мои, я вел грешную жизнь, но не настолько же!!!

Глава вторая

Я перевел дух, меня одновременно и знобило, и кидало в жар. Семь демонов Зарху, а если мастер Гай – любящий дядюшка? Что, если внучатый племянник для него был единственным светом в окошке?

Одно хорошо – то, что я этого Августа добил. Если бы он уцелел и рассказал своему дядюшке, кто именно его чуть ко всем богам не спровадил, то меня, наверное, ничего бы не спасло. Родная кровь – есть родная кровь, и даже при условии, что мастер Гай вовсе не настолько любящий родственник, как я о нем думал секунду назад, то все равно он бы мне выписал по первое число. Как-никак – не чужие же люди они были с покойным.

А теперь – докажи, что это именно я его прикончил? Точнее – узнай, как именно этот Август Туллий голову сложил. Шакалы и твари из-за кладбищенской стены там, наверное, уже и костей от павших не оставили. Ну а если что и осталось – то песком занесет.

Нет, если он, конечно, задастся вопросом кто убил его родича, то узнает. Но буду надеяться, что не задастся.

– Ладно, это все было давно, – Ворон потер ладони. – У него ведь наверняка с собой были те допросные листы, что вы должны были подписать. Прихватить не догадались? Или побрезговали тела обыскивать?

– Обыскали и нашли, – я подошел к нему и протянул сумочку с бумагами. – Вот они.

– Читали? – с прищуром глянул на меня Ворон, не открывая ее.

– Нет, – помотал головой я. – Не стали. Если чего-то не знаешь, то и рассказать об этом никому не сможешь. Мало ли что еще там есть, в этих бумагах?

Я не врал. Мы на самом деле не лазали в сумку, еще в доме Раваха-аги договорившись о том, что я только что сказал Ворону.

– С одной стороны – молодцы, – наставник подбросил сумку на ладони. – Лишняя информация зачастую приносит больше вреда, чем пользы. С другой стороны – любознательность должна стать вашим вторым именем. Маг должен как мышь,

как таракан лезть в любую дырку, чтобы знать все обо всем. Новые знания – это то, за чем вы будете охотиться всю свою жизнь. Власть, золото – это все прекрасно, но их наличие у вас напрямую зависит от того, как много вы знаете, то есть от того, насколько вы умеете использовать свой ум и магическую силу, превращая их в одно целое. Люди примитивны в массе своей – получив некую информацию, они ее просто забывают. Маги же умеют переплавлять слово в дело, превращая полученные нематериальные знания в зримую и ощутимую мощь. Только тут поосторожней надо, люди крайне завистливы и мстительны. Я к тому, что от грамотного доноса никакая сила не спасет. Придут ночью хмурые ребята в черном, руки скрутят – и на костер.

– Какая мрачная картина, – потрогала повязку на глазу Луиза, появилась у нее такая привычка.

– Какая есть, – без улыбки, на редкость серьезно ответил ей Ворон. – Ладно, что-то разговорился я сегодня, тянет меня на длинные речи. Все, молодцы, зачет вам за летнюю практику. Можете еще пару дней побездельничать, пока не кончится отведенный мной на выполнение задания срок, а потом все, придет время занятий. И вот еще что – не забудьте получить у Тюбы ведра и лопаты.

– Зачем? – со вздохом спросила Аманда, заранее предвидя ответ.

– Так наказание вам за забытый во время ночлега защитный круг, – пояснил наставник. – Точнее – неустановленный. А что? Правы были ученики Виталия, такая оплошность требует наказания. Вот сразу видно – знающий у них был наставник, гонял их от души, вон как они шустро определили, что вас ждет. Так что заслужили – получите, все по-честному.

– На неделю? – уныло спросил Гарольд – В смысле – наказаны на неделю?

– Ну не совсем уж я тиран и деспот. Это разовое мероприятие, направленное на подготовку к новому учебному году, – добродушно ответил ему наставник. – Профилактическое. И потом – вы же пришли вторыми, какая неделя? Вот сейчас вернется Мартин, он со своей командой и будет тем счастливчиком, которому достанется главный приз. Догадываетесь, какой? Я еще весной говорил о том, что последним финиширующим крепко не повезёт.

– Тоже мне секрет, – тихонько пробормотала Аманда. – А то мы сами не понимали, что к чему.

– Будем считать, Грейси, что данную реплику я не слышал, – почесал ухо Ворон. – Не хотелось бы стать одним из тех наставников, которые легко предсказуемы. Н-да.

И он задумчиво начал барабанить по подлокотнику кресла.

– Вы не такой, – немедленно среагировал я. – Не-не-не, она вообще не про это говорила!

За этим «н-да» могло последовать вообще все, что угодно. Вот сейчас задумает он доказывать свою оригинальность – и отправимся мы в лес какую-нибудь травку искать, которая растет на местах старых пожарищ, причем в единичном экземпляре.

– Да она вообще ничего не говорила! – затараторила Фриша, тоже сообразив, куда ветер дует. – Молчала она!

– Тогда идите, – разрешил наставник, открывая сумочку с документами. – Свободны.

Мы все дружно выдохнули. Миновала нас чаша сия, по крайней мере на сегодня.

– Да, фон Рут, – оклик Ворона остановил меня в тот момент, когда я почти покинул обеденную залу. – Ты давай-ка, задержись.

Все-таки судьба есть. Она решает за нас, когда и что должно произойти, независимо от наших пожеланий и планов. Хотя иногда она делает что-то именно так, как ты вроде бы и желал, то есть – идет тебе навстречу, вот только в тот момент, когда это происходит, ты осознаешь – да лучше бы этого не было.

На корабле, который доставил нас к родным берегам, у меня было время подумать о всяком разном. О себе, о друзьях, о том, как дальше жить. А еще я очень много размышлял о том, что неплохо было бы все рассказать наставнику. Вот вообще – все, от начала до конца. И про то, кто я есть, и про то, как сюда

попал, про мастера Гая и Агриппу. Голеньким перед ним остаться, в переносном смысле, понятное дело. А потом – совета спросить, как дальше существовать.

И так я прикидывал, и эдак – всяко выходило, что чем дольше я буду молчать, тем в перспективе кислее мне будет. Ну ладно, раньше я был вынужден это делать, все упиралось в мастера Гая. Но если верить Эвангелине, то убить меня он не сможет, по крайней мере пока я ученик Ворона. Точнее – на расстоянии не сможет, с помощью магии. Агриппу подобные запреты не остановят. Но Агриппе до меня еще добраться надо, а это в корне меняет дело. Когда опасность перед глазами – ты можешь от нее защититься. Или убежать, что тоже вариант. То есть – ты можешь побороться за свою жизнь. И совсем другое дело, если кто-то, кого ты не видишь, вдруг возьмет и распорядится твоей судьбой. Это – разные вещи.

И ведь уверен был в том, что это правильное решение – покаяться. Слова подбирал, представлял себе, как это будет, даже реплики Ворона напридумывал. Все упиралось только в то, что делать подобное следует наедине. И вот всё случилось именно так, как я хотел – вот Ворон, вот я – и никого более в зале нет.

Так отчего я сейчас уверен в том, что решение, которое на корабле казалось единственно верным – ошибочное? И четко осознаю, что ничего о себе я Ворону рассказывать не буду? Хотя – ответ прост. Страх. Боюсь я – и сильно, до пота на спине, до дрожания всей моей требухи. А что если он меня из замка выкинет? Может, и нет, – а если да? Даже если бы сейчас ко мне с небес спустились боги и сказали, что шанс этого мизерен, то я все равно выбрал бы молчание. Вот куда я пойду? Обратно в подворотни? Не хочу я этого. Нет, мое место здесь. А значит – молчать надо о том, кто я и что я. До последнего молчать именно об этом.

– Не спишь? – внезапно спросил у меня наставник. – Просто ты застыл на месте, ресницами не хлопаешь и, вроде как, даже не дышишь. Вот я и подумал – может, ты как боевая лошадь, стоя спать умеешь?

– Не сплю, – откашлявшись, отозвался я. – Мастер, я здесь, я с вами.

– Это хорошо, – одобрил Ворон. – Скажи-ка мне, барон, что это ты так дернулся и глаза выпучил, когда я о своем дружке Гае Туллии упомянул? Ты его знаешь, что ли?

– Нет, – тут же ответил я. – Откуда? Я до вас только одного мага и видел, он на городской площади славного города Фалтрейна чудеса являл – слепым зрение возвращал и по воде ходил, по фонтану, что на площади стоит. А еще с ним была бородатая женщина, вот уж диво так диво!

– Назвать бы тебя идиотом, да боюсь ранить юношеское самолюбие, – фыркнул Ворон. – Это шарлатан был, а не маг. А теперь заканчивай валять дурака и четко мне ответь – откуда тебе знакомо имя моего однокашника? Да ты не нервничай так, мне просто интересно.

Я же говорю – судьба. Она всегда дает шанс, причем каждому из нас. И тут уж от тебя зависит, как ты им распорядишься.

И еще – насколько хорошо ты умеешь мешать правду и ложь, создавая из них нечто среднее.

– Тут вообще странная история, – помявшись, сказал я наставнику. – Непонятная. Я даже ребятам ее не рассказывал, смысла в этом не видел.

– И? – Ворон снова начал набивать свою трубку. – Не спи на ходу, фон Рут.

– Это случилось в Эйзенрихе, – начал я рассказ. – Если вы не знаете, так этот город славится своими… Мнэ-э-э-э…

– Шлюхами, – завершил за меня предложение Ворон. – Это мне известно, я там бывал, и не раз.

– Именно. – подтвердил я. – Мы, как прилежные студиозусы, внимательно изучали достопримечательности тех мест, которые проезжали, ибо вы велели нам держать глаза открытыми, впитывая в себя…

– Дежурство на кухне, – загнул один палец Ворон. – Пока – одно. Что там с достопримечательностями?

– И мы пошли к шлюхам, – подытожил я. – Ребята чуть раньше смылись, так что мне пришлось самому бродить по городу, в результате меня занесло в какой-то притон, название которого я даже не запомнил. И вот там…

Я тискал и мял события, что произошли со мной в Эйзенрихе, как глину, создавая из них правдоподобную историю, при этом осознавая, что все шито белыми нитками. И самым слабым звеном здесь было то, что хоть сколько-то внятное обоснование интереса, который проявила ко мне Эвангелина, в этой истории отсутствовало.

Но шанс я упускать не хотел. Мне нужно было подтверждение словам магессы о неприкасаемости учеников, я хотел удостовериться в том, что она мне не врала. Веры ей не было, вот какая штука. А кроме Ворона этого сделать больше никто не мог, по крайней мере – в ближайшее время.

Был шанс, что речь о подобном зайдет на занятиях, но ждать этого я не собирался.

Да и на вопрос наставника про мастера Гая как-то надо было отвечать.

– В общем, как она меня отпустила, так я сразу оттуда и сбежал, – закончил я свой рассказ и вытер пот со лба, совершенно непритворно. Внутри у меня все дрожало. – Очень страшно было, мастер. Особенно, когда она меня ослепила.

– Жестокая Эви стала, – Ворон пыхнул трубочкой. – Мягкости в ней и раньше не было, но подобные штуки она никогда не проделывала. Впрочем, она и молоденьких мальчиков никогда раньше в постель так агрессивно не тащила. Эта особа в целом была далека от радостей плоти. Видимо – возрастное, вот она так и изменилась.

– Возрастное, не возрастное – но жути я натерпелся такой, что словами не описать, – я передернул плечами, давая понять, что очень впечатлен.

– Странно это все, – Ворон задумчиво сдвинул брови. – Нелогично. Прямо как в представлении площадных комедиантов, у них всегда в пьесах логики нет, а совпадения высшего порядка – нормальное явление. Вот и тут – ты шел к шлюхам, а попал в постель к моей старинной приятельнице, которая творила с тобой невесть что.

– Как было – так и рассказал, – немедленно выпалил я. – Мне врать резона нет, я ни в чем не виноват. Вот и про этого вашего друга, Гая Туллия, она мне говорила, я имя запомнил. А тут вы его называете, и выходит, что мы прибили

племянника вашего однокашника. Сами посудите, как мне еще реагировать?

– Это-то понятно, – Ворон отмахнулся. – Тут и я бы удивился. И сразу – не переживай, если даже Гай докопается, чьих это рук дело, то неприятностей у тебя не будет. Они с братом друг друга ненавидели, подозреваю, что эта неприязнь перешла на детей и внуков. По этой же причине Гай даже разбираться не будет, кто его родственника прикончил. Да что там – он про это даже если и узнает, то только случайно.

Внутри стало чуть комфортнее – одной бедой меньше.

– Но Эвангелина… – наставник потер подбородок. – Что-то меня в твоем рассказе смущает, что-то тут не так. Нет, ты не врешь, такое не придумаешь, да и зачем тебе это. Но не вяжется одно с другим.

– Что было – то и рассказал, – твердо заявил я. – И скажу вам так – женщина она, конечно, видная, грудь там, бедра, но встречаться с ней в этой жизни я бы больше не хотел. И другим бы не пожелал. И даже вспоминать про это больше не хочу.

– Грудь? – изумился Ворон – У Эвангелины?

– Ну да, – я сделал волнообразное движение руками. – Высокая такая. Мягкая. Достойная, одним словом. Для ее-то возраста – это вообще, знаете ли… Хотя – магия, я понимаю.

– Даже магия не может дать того, чего природа не предусмотрела, – Ворон рассмеялся и скрутил кукиш. – У Эви груди были меньше чем вот эта фига, она вообще была как мальчик, я помню, у меня даже не сразу… Кхм… Не суть. И главное – она ни в какую не хотела менять свой облик, сколько ей ни предлагали это сделать. Это ее позиция была, понимаешь? Эвангелина – она вообще очень принципиальный человек, потому с ней не всегда было приятно иметь дело. Если чего-то решила – все, с места не стронешь. Нет, она может согласиться с аргументами и фактами, даже об этом объявить вслух, но ее мнение все равно останется при ней. Я-то еще ничего, но вот тот же Гай, с его мировоззрением, повадками и замашками, с самого начала с Эви не ладил. Так что – какая грудь, о чем ты? Стоп. А волосы какого цвета у нее были?

– Черные, – пробормотал я, понимая, что вопрос задан не просто так.

– И родинка вот тут? – Ворон ткнул себя пальцем в правую щеку. – Пикантная такая.

– Ага, – подтвердил я.

– Так это Виталия была! – расхохотался он. – Вот теперь все сходится. И слепота, и то, что она тебя на себя втащила, и рассказы ее о том, как она людей ломает, и все остальное. В этом она вся. Нет, ничего не меняется.

– А зачем же она чужим именем представилась? – без какого-либо наигрыша спросил я у него. – Какой в этом смысл?

– Да кто ее знает? – Ворон почесал затылок – Может, захотела заиметь своего человека в моем замке. Может, шутку пошутила, которая ей удалась. Я же голову поломал, пытаясь понять, какая муха Эви укусила? А может… Она что-то про кресло архимага говорила, насколько я помню из твоего рассказа?

– Если точно, то сказала, что она без двух минут архимаг одного из магических конклавов, – кивнул я. – Обещала мне протекцию после того, как займет этот пост, вот так-то.

– Эта может, – Ворон снова засмеялся. – Она любит себя должниками окружать, думает, что это крайне правильный подход. Как по мне – глупость несусветная, должники – они хуже врагов. Враг – он тебя ненавидит от всего сердца, за то, что у тебя есть то, что нужно ему, и открыто об этом говорит. А должник тебя ненавидит за то, что ты сделал ему добро, и всегда молчит про это, изображая дружбу. Потому враг может в случае твоего поражения проявить благородство и сохранить тебе жизнь, а должник никогда этого не сделает. Ты ему живой не нужен, даже для глумления.

– Тонко, – признал я.

А что? Все так и есть.

– Так вот – она может думать, что я общаюсь с Гаем и донесу до него эти слова, – продолжил Ворон. – А он, насколько я знаю, тоже метит в это самое кресло. Как, к слову, и Эвангелина.

– И Виталия, – продолжил я его речь непроизвольно.

– Именно, – подтвердил Ворон. – Они сцепятся – а большего Вит и не надо. Пока двое дерутся, третий будет спокойно идти к своей цели. Хотя это предположение как раз на воде вилами писано, слишком много «если». Если я общаюсь с Гаем, если испытаю желание ему что-то сообщить, если ты вообще мне это всё рассказал бы… Вряд ли. Думаю – просто подшутила она над тобой. Точнее – надо мной.

Да как же! Как раз все именно так и есть, только наставник тут ни при чем. Я Агриппе внешность своей нечаянной любовницы не описывал, так что мастер Гай будет уверен, что я общался именно с Эвангелиной, тем более что у них давнишние трения, и такой ее интерес ко мне полностью оправдан.

А это значит, что они скоро сцепятся не на жизнь, а насмерть. Ну а Виталия получит желанную фору.

Тонко. Вот же тварь! Когда все всплывет, мастер Гай наверняка сначала будет рвать и метать, а после начнет искать крайнего. И долго ему искать не придется.

Ей-ей, лучше бы я молчал. Результат был бы тот же, но я хоть не знал бы ничего. Нет, я давно усвоил тот простой факт, что закрывать глаза в преддверии беды – это величайшая глупость, но в данном случае – этот был бы лучший выход. Все равно я себе помочь в этой ситуации никак не могу и теперь только нервы буду жечь, представляя себе, что со мной сделает мой наниматель.

– Повеселил, – Ворон хохотнул. – Вот правда – повеселил. Опять же – вкусил от прелестей Виталии. Между прочим, она среди наших девушек была самая красивая, к ней под бочок многие пытались подкатиться, но в те времена она была очень разборчива. Что ты хотел – дочка герцога, как-никак. Ее отец был большим вельможей в Ферлинге, если не ошибаюсь – советником тогдашнего короля.

Я безразлично пожал плечами. После этого лета почтения к титулам у меня серьезно поубавилось. Да и не у меня одного. Все мы из мяса и костей – и принцессы, и нищие. И смерть нас забирает тоже одинаково – раз и навсегда, разница только в тех способах, которые она использует. Кому-то арбалетный болт в грудь, кому-то нож под ребра. А в остальном – одно и то же.

– А вообще – хорошо, что я сюда от всего этого сбежал, – внезапно сменил тему разговора и тон Ворон, снова берясь за бумаги покойного Августа Туллия. – Никогда я этой грызни за кресла Совета и власть не принимал. Понимать – понимал, но лично мне этого не надо. И тебе, фон Рут, я советую в подобном не участвовать, себе дороже выйдет.

– Да мне бы посох получить, – я потупился. – И больше мистресс Виталию на своем пути не встретить. Мастер, а правду она сказала, что убить меня у нее руки коротки?

– Правду, – Ворон оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на меня. – Чистую. Есть такая традиция. После инициации, с того момента как ты стал подмастерьем, другой маг не вправе убить тебя без моего на то соизволения. Вообще-то традиции нужны для того, чтобы их разрушать и нарушать, это так, но не в этом случае. Это правило ввели боги, и за его нарушение с виновника спрашивают лично и очень строго, по крайней мере, так об этом написано в летописях. Врут эти летописи или нет – неизвестно, но проверять подобное не станет никто, себе дороже может выйти. А ну как правда? Причем там еще и кара не указана, а это особенно пугает. Боги жестоки и изобретательны, это все знают. Так что можешь спать спокойно – пока ты подмастерье, тебе ничего не грозит, в магическом плане, разумеется. Вот получишь посох – тогда да, тогда берегись.

Ну, хоть что-то. И вот как тут замок покинуть? Да никак.

Ворон помахал рукой, давая мне понять, что разговор окончен, и углубился в чтение свитка, время от времени негромко хихикая. Как видно, его грехи, перечисленные в допросных листах, вызывали у него не страх, а приступы веселья. Вот такой у нас наставник, Орден Истины для него развлекатели.

Только выйдя из залы, я понял, что мою рубаху можно выжимать – она от пота промокла насквозь.

– Чего он тебя оставил-то? – сразу обступили меня мои недавние спутники, как только я появился во дворе.

– Вопросы разные задавал, – процедил я и обвел их тяжелым взглядом. – Кто как себя показал в странствиях. Так и сказал: «Тебе, фон Рут, верю, как себе, так что говори, кто чего стоит».

– Не придуривайся, – немедленно приказала мне Аманда. – У тебя такое даже Тюба узнавать не станет, а он простак из простаков.

– Да про Августа Туллия расспрашивал, – сменил тон я. – Сумка-то его у меня была, вот видно от этого Ворон и оттолкнулся. Что знал – рассказал. А где Гарольд?

– Да вон он, – с неудовольствием Аманда ткнула пальцем на стоящую в отдалении от всех парочку. – Что-то она ему нехорошее говорит, видишь, у Монброна лицо какое.

Я поразмыслил секунд десять и направился к ним. Интересно же, о чем речь идет. Да и права Аманда – лицо у моего друга было сильно невеселое, а значит, следовало узнать в чем дело. В крайнем случае – шуганут на подходе.

Да и вообще – все, что связано с Рози, мне не безразлично. Это еще одна неприятная часть моего нынешнего бытия. Нет, не сама Рози, которая, кстати, у меня никакого отторжения не вызывает. Как ни странно, но я был рад ее увидеть, сам даже этому удивился. А собственно – за что мне ее недолюбливать? Ну да, она властная и в обращении с остальными иногда жестковата бывает, не отнять этого у нее. Так она из этого и тайну не делает. Но – вот такая она, что теперь поделаешь? Зато умная и красивая, а это тоже не последнее дело. И знает, чего от жизни хочет, не то что некоторые, которые только и делают, что на все подряд обижаются и потом губы дуют.

Вот кабы еще не ее родня, которая меня и смущала. Я помню, как меня от нее предостерегали, и верю в то, что мне сказали. Это не маги, пальнут из арбалета – и все. Или шпагами на ломти настругают. И главное – было бы за что, ведь я даже ни разу ей руки за пазуху не запустил. Король Рой хоть основания имеет меня не любить.

– Вот такие новости, Монброн, – услышал я слова Рози, подойдя к ним. – Что узнала – рассказала.

– Плохо, – Гарольд запустил пятерню в свои светлые волосы. – Опечалила ты меня, де Фюрьи.

– Что-то случилось? – поинтересовался я. – Или этот рассказ не для моих ушей?

– Дома все плохо, – озабоченно сказал Гарольд. – Очень плохо. Отец заболел, причем тяжело. И самое странное – как-то внезапно, что наводит на кое-какие предположения. А если прибавить сюда то, что мой дядюшка Тобиас сразу же после того, как отец слег, развил немалую деятельность по захвату его государственных постов и даже прибрал к рукам кое-какие дела нашего семейства, то эти предположения переходят в догадки, не сказать – в уверенность.

Я припомнил давний ночной разговор Гарольда и Аманды, где он упоминал какого-то общего родственника. Не этого ли?

– Так вроде твой отец ладил со своим братом? – немного удивился я. – Судя по твоим рассказам?

– Мой отец тоже ладил со своим двоюродным братом, – с ехидцей произнесла Рози. – Но это не помешало ему отправить его на эшафот. Это власть, фон Рут, здесь родственные связи – только инструмент. Эраст, взрослей, уже пора заканчивать такие глупости спрашивать.

– Если отец умрет, – рот Гарольда свело легкой судорогой. – Если это случится, то старшим в семье станет мой брат, а его Тобиас растопчет моментально. Генрих не боец и никогда им не был. Про сестер я не говорю вовсе. Хотя им ничего и не грозит, кому эти дуры нужны. Но старшинство в семье для нашего колена будет потеряно навсегда, оно перейдет к ветви Тобиаса.

– Гейнард сказал, что такие вещи без поддержки не делаются. То есть при дворе у твоего дяди есть люди, которые при необходимости его поддержат, – деловито заметила Рози и пояснила для меня: – Гейнард – один из моих братьев.

– Да это и так ясно, – махнул рукой Гарольд. – Я же не ребенок, это прекрасно понимаю. Зато теперь понятно, почему нас ждали на той лесной дороге. Эраст, ты помнишь, мы все гадали, по какой причине именно меня хотели убить в обязательном порядке?

Точно, было такое. Гарольд для них был главной целью, они орали еще: «Вон того режьте первым».

– Дядюшка меня им заказал, – зло проговорил Гарольд. – Руку на отсечение даю – его это работа. Старый пес! Боится, гад такой, что я на обучение плюну, как узнаю, что к чему, и в Силистрию вернусь. Я не Генрих, меня так просто не сожрешь.

– Или в Фольдштейн сначала наведаешься, – добавила Рози. – К Рою Шестому. Твоя мать с его женой ведь родня? Гейнард сказал, что на твоем месте он поступил бы именно так. В Силистрии слово короля Фольдштейна имеет ох какой серьезный вес, не мне тебе это объяснять. Заручись ты его благословением – и дядюшке твоему придется туговато. Да и мое семейство при необходимости готово оказать тебе поддержку. Де Фюрьи сильны не только в своих землях.

– Прямо не знаю, что делать, – немного жалобно произнес Монброн. – Семья все-таки. Хоть на коня прыгай и мчи во весь опор.

– Так и мчи, – даже как-то удивилась Рози. – Какие тут могут быть сомнения?

– А это? – Гарольд рванул рубаху на груди, показав нам печать. – Я – маг. Я больше не один из наследников, у меня осталась только родовая фамилия, и не более того.

– У нас всех есть долг крови, – Рози была невероятно серьезна. – Мы получили его с первым шлепком по заднице, который сделала повитуха. В нас живут все те, кто носили наше имя прежде нас, и все те, кто будут носить его после нас, извините за высокий стиль.

– Не будут, – я начал догадываться, куда гнет Рози. – Мы бесплодны. За нами не будет никого.

– Ты меня понял, – погрозила мне пальцем Рози.

– Пойду к Ворону, – бледный до синевы Гарольд одернул рубаху. – Может, отпустит на месяц-другой.

– Давай-давай, – одобрила его поступок Рози. – Удачи.

Не отпустил его Ворон. Сказал – либо тут, либо там, сам решай. Но если уедешь, то можешь не возвращаться, причем на подобную поблажку он идет в первый и последний раз.

Гарольд мучился ужасно, но выбор уже на следующий день сделал в пользу замка, чем удивил лично меня невероятно. Семья все-таки. У меня ее не было, но если бы была, то я бы ни на что ее не променял.

За пару дней он совсем извелся и осунулся. Мы даже начали за него всерьез опасаться, а Аманда сообщила нам, что если так дальше дело пойдет, то она сама к Ворону сходит и такое там устроит!

А еще через день в замок пожаловал отряд Мартина.

Глава третья

Не знаю, как выглядели в глазах наших соучеников мы, когда вернулись в замок, но надеюсь на то, что не так удручающе, как отряд Мартина.

Вернулось их всего семеро из одиннадцати уехавших, так мне сказала Рози, найдя меня на кухне – сегодня была наша очередь готовить. Причем слово «наша» поменяло свой смысл относительно первого года обучения. Раньше «наша» означало благородных. А теперь – нет. Как-то само так получилось, что и мы, и те ребята, которые провели лето под командой Рози, теперь держались друг друга в тех составах, на которые нас некогда разделил Ворон, и делали это если не как кровные родственники, то как очень близкие друзья. Хотя – какие же мы не кровные? Смешалась наша кровь в ту ночь у Гробниц, навсегда и бесповоротно. Моя и Фалька – это уж наверняка, я его когда к лошадям тащил,

кабана такого, то живого места на нем не было, да и из меня кровь текла изрядно, так что смешалось одно с другим, смешалось.

Ворон против подобного не возражал, точнее – он на это даже внимания не обращал. Ему главное, что дело делается, а на то, в каком составе мы на заготовку дров идем или еду готовим – начхать. Это наша головная боль.

Что до Мартина – так они даже нас переплюнули, четверых потеряли. Вопрос – кого именно? Ну, с Магдаленой все понятно, но кто еще?

Выйдя во двор, я увидел, что здорово похудевший и изможденный Мартин и его спутники стоят в окружении соучеников, о чем-то их расспрашивающих. Впрочем, о чем именно – можно и не гадать.

– А Шарля – его вот буквально два дня назад убили, – донеслись до меня слова, произнесенные голосом, который я совершенно не ожидал услышать.

– Да ладно, – пробормотал я себе под нос и шустро сбежал по ступенькам вниз.

Это была Магдалена! Та самая, которая, если верить словам Агриппы, скоропостижно утонула в болоте… Этом… Как его… Нифлейском. Точнее – в болотах, так он говорил, хотя это не столь принципиально. Главное – не утонула она, вон, стоит себе, про смерть Шарля Лекока рассказывает. Потрепанная, как и все остальные прибывшие, на щеке подсохшая глубокая царапина, правая рука на перевязи – но живая.

И чего теперь? Опять все по новой, мне снова придется думать, как ее убить? Причем теперь мне этого совсем уж делать не хочется. Раньше меня останавливал тот факт, что она одна из нас, а теперь мне еще и с ее нанимательницей дело иметь неохота. Ну да, Эвангелина оказалась не Эвангелиной, но все равно – ну его. Все они, магессы в возрасте, похоже, чокнутые.

– Разбойники, – дополнил ее слова Мартин, при этом у него дернулся глаз. – Главное – всегда эта дорога спокойная была, сроду там никогда никто не пошаливал. И на тебе, сначала из арбалетов жахнули, в Шарля сразу три болта попало, он первым ехал, а потом на нас поперли, пришлось драться, еле отбились. Причем даже тело с собой увезти не удалось, мы десятерых уложили,

но к ним подмога поспешала, в лесу такие вещи всегда издалека слышны – кусты трещат, да и перекрикивались они. Мы руки в ноги – и ходу оттуда, – а что сделаешь? Тем более, что и потрепало нас изрядно, Магде по руке саблей прошлись, Михаэлю вон бок пропороли. И все равно – такой сволочью себя чувствую до сих пор, из-за того, что тело пришлось там оставить, что словами не высказать.

Однако – знакомый подход к делу у разбойничков. Уж не из-за нас ли Мартину и его группе перепало? Паромщик тогда говорил, что атаман смерть сына так не спустит.

– Совсем герцоги обленились, – подал голос Гарольд. – Столько этой погани в лесах развелось – ужас.

Мартин вскинулся было, думая, что Монброн его поддеть хочет, но неожиданно для себя наткнулся на понимающий взгляд и совершенно серьезное лицо своего давнего противника.

– Мы Ромула так же потеряли, – пояснил мой друг, верно расценив поведение простолюдина. – Правда, еще весной и далеко отсюда, у паромной переправы через Стийю. Ну и тело мы забрали и похоронили потом, но это нам повезло просто, успели до того, как нас по новой прищучили.

– Привет, Эраст, – Магдалена заметила меня и помахала мне здоровой рукой. – Ты чего на меня так смотришь, будто покойницу увидел?

– Вас так долго не было, что мы все уже засомневались – живы ли? – запнувшись, ответил ей я. – Хоть съездили-то удачно?

– Если бы, – вздохнул Мартин, чем снова меня удивил. Прямого конфликта у меня с ним никогда не случалось, если не считать нескольких словесных перепалок, но я точно знал, что он меня изрядно недолюбливает. В первую очередь – из-за дружбы с Гарольдом. А тут вон – даже ответил. – Все впустую. Ладно, пошли к наставнику.

И семеро прибывших направились к входу в замок.

– Ну? – гордо заявила Рози, подбоченившись. – Я же говорила, что сумею привести своих людей к победе. Вот результат – задание мы выполнили, вернулись сюда первыми, и потери у нас самые незначительные.

– Любые потери – они значительные, – хмуро сказала Аманда. – Даже если это один человек, а у тебя – двое не вернулись. Это не цифры, это люди, не забывай об этом, де Фюрьи.

– Ты зануда, Грейси, – Рози сжала губы. – Завистливая зануда. Эраст, нам надо поговорить.

– Тогда пошли со мной на кухню, – мне за последние дни порядком поднадоел ее командный тон, поездка совсем ее испортила. Она и без того властная была, но сейчас это уже превратилось в манию какую-то, пора было ставить ее на место. – У меня там говядина тушится. Заодно поможешь мне с овощами, их почистить надо и потихоньку в котел закладывать.

– Дело! – зашумели соученики. – Тушеное мясо – это хорошо. Особенно если с овощами.

– Фон Рут, я не помню, говорил ли я тебе, что мы, возможно, с тобой даже в родстве находимся. Документально я это подтвердить не могу, но уверен в этом, – Карл потер руки. – А родичи – это святое, ты же это знаешь? Они всегда друг друга поддерживать должны. Например – двойной порцией.

Не знаю отчего, но в Кранненхерст, деревушку, которая расположилась неподалеку от Вороньего замка, наставник нас не отпускал, и Карл не имел возможности набить свой желудок до отказа в тамошней корчме. Ну а обеденные ученические порции были для него на один зубок, потому он все время ходил недовольный жизнью.

– Потом поговорим, – подытожила Рози. – Овощи – это прекрасно, но у меня другие дела сейчас есть.

– Вот как так, – я с прищуром глянул на нее. – Как мозги мне забивать разным всяким – так это запросто, а как помочь с делом – так никогда. Рози, душа моя, будь последовательна – запрягая, хоть сена клок дай.

– Или просто – дай! – чего-чего, а простоты Фальку было не занимать, он что думал – то и говорил.

– Ка-а-а-арл! – протянула Луиза вроде как смущенно, но при этом ехидно улыбаясь.

Де Фюрьи она не любила, видимо, давно решив для себя, что с Амандой мне лучше. Тем более, что Аманда была ее подругой, а Рози – нет.

Рози же тем временем на все сказанное никак реагировать не стала, вроде так и надо. Только улыбку изобразила, но такую, что я бы на месте Карла шпагу ночью с собой в постель клал. От греха.

– То-то, – важно сказал я и удалился со двора.

Аманда, впрочем, тоже хороша. Шутки шутками, но от помощи я бы не отказался, рук-то у меня только две. Но дождешься от нее, как же. То ли дело – Фриша, только на нее и можно надеяться в таких вопросах.

Впрочем, я и без помощи управился – руки овощи чистили, а мысли тем временем текли как река. Монотонная несложная работа, она тем и хороша, что голову не забивает, когда ее выполняешь, очень славно думается.

А подумать было о чем. Например – о Рози и Аманде. Я не знал, как разрубить этот узел и очень опасался, что кто-то из них сделает это за меня. И та и другая – сильные, властные и хорошо владеют оружием. И, что самое скверное, я здесь выступаю не как Эраст фон Рут, барон, красивый собой и весь такой притягательный, нет. Я просто некий камень преткновения, о который запнулись эти две девушки и который каждая собирается перекатить на свою территорию. Так-то я, может, им и вовсе не нужен, не такая уж большая ценность моя персона. Тут дело в принципе – кто кого. Женщины, они если упрутся, на многое способны. И, если совсем уж честно, Рози – в особенности. Надо Аманду будет предупредить, чтобы она смотрела что ест и что пьет. Я хорошо помню предостережения о том, что род де Фюрьи отлично умеет пользоваться ядами.

А еще были Мартин и Гарольд. Расставались по весне они врагами, а сегодня общались как ни в чем не бывало. Означает ли это потепление отношений, или просто Гарольд дал Мартину понять, что война сейчас никому не нужна и

настало время переговоров? Мне он по этому поводу ничего не говорил, так что я могу только предполагать, как оно будет дальше. Нет, со мной все ясно, я с Монброном до конца пойду, до костра и смерти, но понимать – хотелось бы. А воевать, если честно – нет. Нас и так осталось всего ничего.

Это хорошо было видно по нашей спальне. Ворон, заметив, что мы собрались убрать те ложа, которые теперь было некому занимать, запретил нам это делать.

– Помните, – веско произнес он, погрозил нам пальцем и вышел из спальни.

Что именно мы должны помнить, было неясно, точнее – версий было много. Но нарушить его запрет мы не посмели, а потому все оставили так же, как было год назад. Вот только тогда в спальне яблоку упасть было некуда, а сейчас под потолком эхо гуляет. И не по себе очень, когда глядишь на пустые матрасы, застланные тонкими одеялами, и вспоминаешь тех, кто на них спал. Как верно заметила Луиза – словно на кладбище ночуешь.

Луиза, кстати, побывала-таки у Ворона, вернулась от него сияющая, и причина этого была видна по ее лицу в буквальном смысле.

Глаз он ей не вернул и шрам не убрал, но при этом выглядел последний теперь так, будто ему лет двадцать, или даже поболе того. Краснота, которая так выводила из себя Луизу, ушла, он побелел и стал еле различимым, как тоненькая черточка. У Агриппы некоторые рубцы на лице так выглядят. Не поймешь сразу – то ли шрам, то ли морщина.

Так что – было о чем поразмыслить.

И хорошо, потому как уже вечером, после ужина, нам всем стало ясно, что времени на то, чтобы предаваться мыслям о всяком и разном, у нас уже не будет.

Ворон дождался, пока мы не застучим ложками по донцам опустевших плошек, раскурил свою неизменную трубку и ласково произнес:

– Ну что, покушали?

– Есть такое, – нестройно ответили ему мы, заподозрив неладное. – Спасибо, наставник.

– Да не за что, – настолько сердечно произнес Ворон, что у всех на лицах появилась нешуточная тревога. У меня лично как-то даже под ложечкой засосало. – Лишь бы вам на пользу.

Ворон пыхнул трубочкой, его глаза поблескивали в клубах сизого дыма, даже пламя в камине как-то потускнело.

Над столом повисла тишина.

– Бу!!! – внезапно громко крикнул он.

Де Лакруа, дернувшись, сбил со стола плошку на пол, и та громыхнула как камнепад в горах. Впрочем, не один он так отреагировал на шутку Ворона, у меня тоже появилось желание смотаться отсюда куда-нибудь подальше. Хоть бы даже в одну из замковых башен.

– Я чуть не описалась, – без стеснения сообщила всем Фриша.

– Надо было как-то разрядить обстановку, – пояснил Ворон.

– Не следовало ее нагнетать, – еле слышно шепнула мне Аманда, сидящая по правую руку.

Рози заметила это и недовольно поморщилась.

Она бы, может, и села рядом со мной, но не захотела покинуть своих людей. Судя по всему, деление на группы плотно вошло в наш быт.

– Итак, подытожим, – наставник откинулся на спинку своего кресла. – Что мы имеем по итогам лета? Из трех групп две задание выполнили, одна – нет. Скорее – хорошо, чем плохо. Есть потери, девять человек. Это в любом случае скверно, мне их жалко. Хотя – не стану лицемерить, не всех. Мне жалко только тех, кто погиб по нелепой случайности, а такие среди них имеются. Но есть и те, кто погиб по собственному недомыслию, по личной безынициативности – к их

смертям у меня другое отношение.

Мы переглянулись.

– Поясню, – Ворон устроился поудобнее. – Вот Ромул, что был в группе Монброна. Засада, арбалетный болт в грудь, смерть. Ни он, ни Монброн, который командовал группой, эту засаду предвидеть не могли, да и дороги другой у них к парому не было. Так что ему просто не повезло, как и Шарлю Лекоку в аналогичной ситуации. Это судьба, от нее не убежишь и тут ничего уже не попишешь. Но были другие смерти, которых можно было избежать, и погибшие имели шанс на спасение. Непонятно говорю, да?

Добрая половина присутствующих закивала, Мартин помрачнел, Гарольд призадумался.

– Конкретный пример, – Ворон обвел нас взглядом. – Возьмем смерть Уилла Толли, что был в группе все того же Мартина. Бедолага нашел свой конец в Нифлейских болотах, месте непроходимом, мокром и грязном. Туда даже местные жители не суются, а наш доблестный Мартин – полез. Заметим – без проводника и при полном молчании своих спутников, отлично при этом осознававших, куда именно их ведут. Но они, как бараны, потащились в трясину за своим лидером, и воспоследовал закономерный результат – Толли мертв. Что именно мешало ему сказать: «Нет, мы туда не пойдем»? Ровным счетом ничего. Надо было всего лишь не промолчать, настоять на своем. Я поговорил с людьми, которые были с Мартином – как минимум четверо были против его решения лазать по болоту. Четверо! Но никто не сказал этого вслух. Никто даже не посоветовал ему присесть на камешек около трясины, посмотреть, куда именно он тянет своих спутников, и немного подумать. Так что эта смерть – она не нелепая. Она даже не глупая. Она – бессмысленная. Но это был не выбор судьбы, это был выбор человека.

– И Флик тоже сам выбрал свою судьбу, – прошептала Фриша. – Все так и есть.

– И тем не менее – помолчим минуту, – предложил маг. – В память о тех, кто уже не вернется.

Все склонили головы. Девять человек за лето. И вправду, еще одни такие каникулы – и нас вовсе не останется.

– Итак, к чему была предыдущая речь, – снова заговорил Ворон. – Я хочу, чтобы вы усвоили одну простую вещь, без которой вам не дотянуть до конца обучения. Заметим, весь прошлый год я вбивал ее в ваши головы и сейчас повторю еще раз. Но если вы и теперь меня не услышите, то во всех своих дальнейших бедах вините только себя. Она звучит так: «Если ты не научишься думать за себя сам и лично принимать решения, не оглядываясь на других, то ты не маг, а учебное пособие».

– Учебное пособие? – переспросила Луиза.

– Ну да, – подтвердил Ворон. – Я решил не тянуть и в этом году дать вам хоть какие-то практические умения, которые в случае чего смогут вас прокормить. Магия огня, магия воды – это прекрасно, но они академичны, требуют большого объема знаний и понимания тонких материй, без этого применить их в полной мере невозможно. Базовые основы в прошлом году я в ваши головы вбил, но это азы, не более того. Для полного же понимания нужны годы. Я сам через это прошел – три года мы изучали структуры огня и воды, воздуха и земли, основы плетения одинарных и совмещенных заклинаний, тонкости ментального восприятия. А потом вышло так, что мне и двум моим приятелям пришлось всего-навсего упокаивать кладбище. Всего-навсего! Два десятка беспокойных мертвецов и хозяйка погоста, опытному некроманту работы на полчаса. Результат – у меня на животе до сих пор можно разглядеть шрам от когтей хозяйки, второй мой приятель лишился двух пальцев, а третьего попросту сожрали. Мы все освоили магию огня и света, мы честно пытались сжечь этих мертвецов, но не знали одну простую вещь – когда на кладбище появляется хозяйка, огонь им не страшен. Тогда в дело надо пускать сталь, соль и заклинания крови. Просто это были прикладные дисциплины, а наш наставник считал их бесполезной тратой времени, ненужным хламом для своих учеников, допущенных к высокому искусству магии.

– А вы – не такой? – с непонятной интонацией спросил вдруг Мартин.

– Не такой, – совершенно не рисуясь, сказал Ворон. – Я в этом году как раз и хочу вам дать в руки профессию, те самые вышеназванные прикладные дисциплины, которые всегда обеспечат того, кто ими владеет, куском хлеба и тарелкой с похлебкой. Жизнь – такая вещь, никогда не знаешь, куда она коней направит. Так что в этом году упор будет на три основных направления – целительство, основы боевой магии и, если успеем, некромантия.

Не знаю, как остальные, а я был доволен. Шут с ними, с высокими материями, прав Ворон, их на хлеб не намажешь. А хороший лекарь – он точно не пропадет и голодным спать не ляжет. Видел я карету, в которой королевский целитель разъезжал по моему родному городу, у казначея и то попроще была. И у главы купеческой гильдии – тоже.

Вот только – давно ли наставник такое решение принял? Или после того, как я ему бумаги Августа Туллия отдал? Если да, то он не такой уж и вредный, о нас думает, не о себе.

Хотя – вряд ли. От него чего-то доброго ждать не приходится.

– Мастер, можно? – подняла руку Рози. – А разве эти направления – они не производны от основных разделов магии? Разумно ли идти от частного к общему, а не наоборот? Овладей мы общей теорией – и частные дисциплины, которые так или иначе являются производными, нам будет понять куда легче?

– Общие теории, говоришь? – Ворон усмехнулся. – Нет такого понятия у магов, как «общие теории». В магии вообще нет такого слова «теория», как по мне. Магия есть практика по сути своей, и меня никто в этом не переубедит. Заклинание – оно или работает, достигая поставленной своим создателем цели, либо нет. Наше тогда на кладбище не сработало. Не было времени создать необходимые для него условия, чтобы земля могильника водой стала и зомби потеряли основу под ногами. А то заклинание, что солнечный свет вызывало, вроде как смертельный для них, как я сказал, оказалось просто пшиком. Любые заклинания из разделов высшей магии – они многоступенчатые, их готовить надо. Рисовать магические знаки, добывать специальные реагенты, копить силу – там много условностей. А прикладные науки – они… Как бы так сказать… Они здесь и сейчас. Короткие формулы, которые не требуют длительной подготовки и больших энергозатрат, при этом направленные на четкий результат. Да, это не всегда красиво и эффектно, зато неизменно эффективно. Разумеется, при условии хорошей подготовки заклинателя.

– Я согласен, – заявил вдруг Карл. – Лично мне сильно заумные науки не нужны, меня от них в сон клонит. А вот боевая магия – это дело. Единственное – мастер, а разве некромантия не под запретом? Вроде как Орден Истины за такие штуки сжигает на кострах. Мол – нельзя лазать за Грань, тревожить тела и души… Я ничего не путаю?

– Под запретом, – подтвердил Ворон. – Но разве кого-то из здесь присутствующих это остановит?

Раздалось несколько смешков. Не было похоже на то, что здесь собрались сильно законопослушные люди.

Да и меня, если честно, запреты Ордена Истины после летнего путешествия как-то перестали трогать. Еще год назад я бы одних таких мыслей испугался, а сейчас… Да и потом – я им кровь пускал, что мне теперь их запреты? В случае если всплывёт все то, что произошло около Гробниц Пяти магов, то на долгую мучительную смерть уже заработал, так что – какая разница? Грехом больше, грехом меньше…

– Вот и я про то, – одобрил нас Ворон. – Кстати – это ответ на ваш вопрос, де ла Мале. Учебными пособиями станут те, кто не услышал мои слова и не сделал соответствующих выводов. Жизнь предназначена для думающих и умеющих принимать решения людей, а не для тех, кто надеется чужим умом прожить. Нет-нет, де Фюрьи, не надо улыбаться, я сейчас не о том, что каждый сам за себя. Точнее – не совсем о том. Всегда есть лидеры и те, кто идет за ними, таковы законы рода человеческого. Но то – люди. А мы – маги. Точнее – я маг, и вы, которые, возможно, ими станете. Маг не может бездумно топать за кем-то, он обязан сам решать свою судьбу. Если есть хоть капля сомнения в том, что идущий впереди ведет всех туда, куда следует – скажи об этом. Остановись и скажи. Или просто – развернись и иди туда, куда тебя ведет твое чутье. Пусть даже к смерти идешь, к страшной, лютой – но это твой выбор. Вы должны научиться думать сами, решать сами и нести ответственность за свои решения. Это для вас сейчас главное. Ваше оружие – не сталь, ваше оружие – разум. Вспомните свои странствия и подумайте, как оно могло бы повернуться, если бы вы чаще думали как маги, а не как воины. Те ли бы вы пути выбирали? Так ли действовали?

Ну, не знаю… Наверное – те же. А может, и нет. Путь выбирал Монброн, за ним было последнее слово, я особо в это не лез.

Не про это ли и говорит наставник? Интересно, я один сейчас почувствовал себя неловко?

– Год назад вас тут было более полусотни, сейчас здесь сидит двадцать пять человек – продолжал Ворон. – Я не хочу сказать, что те, кто ушел сам или умер, были глупы или невезучи. Хотя – и не без этого. Одно скажу – те, кто вернулся в замок, уже не наивные и простые мальчики и девочки, что сидели в этом зале прошлой осенью. Иллюзии развеялись, смерть стала для вас стала привычным понятием, не так ли? Да что там – даже ваши желудки приспособились переваривать все, что им дают. Но это только начало, мне этого мало. Не скрою – весь год я ломал ваши души. Вы об этом догадывались, да я и не слишком это скрывал. Теперь мне надо сломать ваш разум, перековать его, видоизменить. Маг – это живая мысль, быстрая и острая, причем выраженная в таком же быстром действии. Кто научится этому – тот дойдет до посоха. Кто нет – тот умрет, так бывает всегда. И вот тогда он и станет учебным пособием. Хороший труп у меня в замке редкость, а на погосте, что за стеной, одна гниль лежит. Нет, есть запасец кое-какой, но надолго ли его хватит? Так что те, кто будет иметь глупость умереть, послужат нам в качестве учебных пособий. Будем мы их воскрешать и упокаивать до тех пор, пока тело в полную негодность не придет.

– Какие радужные виды на будущее, – Эбердин криво улыбнулась. – А если я против?

– Против учиться на трупах вообще, против учиться на трупах соучеников или против того, чтобы кто-то учился на твоем трупе? – живо спросил у нее Ворон. – Учись выражать свою мысль четко и понятно.

– Против того, чтобы меня, если я умру, так использовали, – ответила Эбердин. – Я хочу, чтобы меня сожгли.

– Хоти, – разрешил ей наставник. – Сколько угодно. Но в этих стенах твое хотение ничего не стоит. Здесь все решаю я. Ну да, это немного противоречит тому, что я говорил немного ранее, но тут и ситуация другая. Свое мнение любой из вас иметь может, но я – ваш наставник, и мое решение не оспаривается. Точнее, вы можете его опротестовать, назвать меня старым дураком и покинуть замок, но для этого вам придется попробовать победить меня в поединке.

– Каком поединке? – спросило сразу несколько человек, в их числе и я.

– Обычном, – пожал плечами Ворон. – Магическом. Слушайте, вот чего вы такие ленивые и нелюбопытные, а? Вы что, не знаете о том, что с момента получения

печати и до того часа, когда я вручу вам посох, у вас нет права просто так взять и покинуть меня, как своего наставника? Разумеется, за исключением тех случаев, когда это не будет моим непосредственным указанием. Я сейчас не про изгнание, я про выполнение моих поручений говорю, не надо так ухмыляться, Фальк. Всё, вы мои подмастерья, я волен над вашей жизнью и смертью, и это продлится до той поры, пока я не сочту ваше обучение законченным. Ну, и не наскребу денег на создание посохов для тех, кто дотянет до конца. Дурацкая традиция, того, кто ее придумал, испепелить мало. Знаете, сколько стоит сделать хороший посох для мага? А наложить на него чары – это вообще мучение сплошное. Магам древности было хорошо, они в чести были и золото текло им в руки, что им какие-то посохи, так, гроши. А нам как быть, нынешним? Тут на прокорм-то ваш не напасешься.

– А поединок? – поторопил наставника пантариец Эль Гракх. – Он тут при чем?

– Если кто-то захочет прекратить обучение и покинуть замок, то он сможет сделать это только бросив мне вызов на магический поединок. Если ученик победит меня – все, свобода. Если нет – то смерть. Непреложное правило – наставник, которого ученик вызвал на поединок, обязан убить ослушника, такова воля богов. Или умереть сам, у строптивого ученика тоже нет выбора, для победы он обязан убить своего учителя. То есть – кто-то все равно умрет.

– «Кто-то», – рассмеялся Мартин. – Даже гадать не приходится – кто.

– Так это сейчас вы неумехи, – резонно ответил Ворон. – Лет через пять кто знает, что будет и кто каких высот достигнет. Я слышал как минимум о трех поединках, в которых ученик сумел убить наставника.

Я повернулся к Монброну и понял, почему он так и не отправился к себе в Силистрию. Надо полагать, Ворон все то, что мы узнали сейчас, объяснил ему немного раньше. Кстати – мог бы и поделиться с нами этой информацией.

– Гелла, ты им все расскажи потом подробно, – попросил Ворон девушку, сидящую совсем неподалеку от него. – Перед сном вы будете перемывать мне кости, как все выговорятся, так ты им и объясни, что к чему.

– Хорошо, мастер, – кивнула девушка.

– Собственно – всё, спать, – хлопнул в ладоши Ворон. – Будущность я вам обрисовал, планы – озвучил, теперь дело за вами. Да, вот еще что… Правила прошлого года относительно ваших внутренних отношений остаются в силе. Хотите убивать друг друга – убивайте, мне нет дела до вашей вражды и дружбы. Вам жить, вам решать. Но если это будет мешать обучению и внутреннему распорядку, или кто-то убьет соученика и попадется на этом – пощады не ждите. Хотя – не думаю, что до этого дело дойдет. Есть у меня сомнения.

И он ехидно нам подмигнул.

Ну да, что-то и я сомневаюсь, в том, что прошлогодние свары продолжатся. И осталось нас не так много, да и мы стали посплоченней благодаря летним похождениям. Проще говоря – если дело дойдет до того, что заденут кого-то из моих друзей, я ведь и горло могу перегрызть.

А вот насчет Гарольда и Ворона я ошибся. Точнее – не все верно понял. Нет, про то, что из статуса подмастерья теперь выхода нет, наставник ему на самом деле объяснил, но при этом дал понять, что он может предоставить ему что-то вроде отпуска на любой срок, с условием, что он вернется к тому времени, которое он, Ворон, ему назовет. Может – но не хочет. Мол – не ко времени это сейчас.

Обиды Монброн на наставника за это не затаил, но душа за родных у него здорово болела.

В спальне Гелла нам поподробней осветила все стороны нашего нового существования, хотя я для себя ничего нового больше не услышал, речь большей частью шла как раз про то, что я от Виталии узнал. Ну, что другие маги нас убивать не могут. Хотя – нюансы были. Например – в случае, если один маг другому бросил вызов на поединок, то при наличии учеников он может их взять с собой и использовать в бою, это не воспрещено. Равно как его противнику в данном случае не воспрещено убивать их без каких-либо ограничений. Война и есть война.

Еще я узнал о том, что если ученик просто сбегал от наставника, без поединка, то для него все заканчивалось плохо. Три дня ему боги давали на обдумывание своего поступка, а потом, на четвертый день, он умирал, причем непременно мучительно и тяжело. Неизлечимая болезнь, укус змеи, топкое болото – там было много вариантов.

– А вообще – странно все это, – сказал Мартин, когда Гелла замолчала. – В том году Ворон нас натаскивал как раз на общую магию. Вспомните – вода, огонь. И тут раз – и такой поворот в сторону. С чего бы это?

– Мне тоже это показалось странным, – поддержала его Рози. – Гелла, душа моя, ты ничего не хочешь нам рассказать?

– Не хочу, – твердо заявила Гелла.

– Я о тебе лучше думала, – немного обиженно сказала Миралинда, взбивая жиденькую подушку. – Мы же вроде соученики.

– Да не знаю я ничего, – жалобно произнесла Гелла. – Я все лето тут в книгах копалась, составляла реестр да травы собирала и сушила. Вот и все.

– Не верю, – Рози привстала на кровати и уставилась на девушку. – Ты не дура, значит что-то видела или слышала.

– Вот же, – Гелла засопела. – Ну да, летом в замок то и дело разные люди приезжали. То вельможи с Западного побережья, то воины, их-то я ни с кем не спутаю, у батюшки в замке на них насмотрелась. А еще как-то раз, в конце лета, три мага приехали, всю ночь вино с Вороном пили и о чем-то спорили. После их отъезда мастер дня два задумчивый ходил, а потом мне и говорит: «Может, так оно и лучше будет. Огонь – он либо сжигает, либо закаляет». Я его спрашиваю: «Вы о чем, наставник?», а он только вздохнул и в библиотеку пошел.

– Сердцем чую – неспроста все это, – мрачно заявила Магдалена.

– Да ты что? – притворно изумилась Рози. – Ты просто королева по имени «Очевидность».

– Четыре месяца тебя не видела – и столько же не видеть бы, – окрысилась Магдалена, чем немало меня удивила. Такого я прежде за ней не замечал.

– Что будет – то и будет, – произнес Монброн. – Нет у нас выбора, вы же слышали. Все, спим.

Глава четвертая

А с утра началось безумие. Точнее, как по-нашему – это безумие, сам же Ворон еще в том году подобные штуки называл «нормальным учебным процессом». Он разбудил нас затемно, придя в спальню с Тюбой, который, стоя посреди комнаты, теперь с видимым удовольствием грохал по старому ведру колотушкой. Все это наш наставник сопровождал громогласными воплями:

– Беда! На замок напали! Надо бежать на стены! Все пропало!

Пока мы метались и поспешно влезали в штаны, наставник с интересом наблюдал за нами и загибал пальцы.

– Де Лакруа! – орал Монброн. – Ты присматриваешь за девочками, не подпускай их к бойницам, а то я их знаю, они непременно под стрелы подставляться будут. Карл, Эраст – вы со мной.

Его перебивал Мартин, тоже раздававший какие-то команды.

– Долго, шумно, бестолково, – сказал Ворон, когда большинство из нас, с оружием в руках и в кое-как натянутой одежде, столпилось около него. – И ни один из вас даже не подумал о том, что бежать надо все-таки не ко мне, а сразу на стены. Пока вы тут метались, ворота бы уже вышибли и враг вошел в замок.

– Что скомандовали – то и сделали, – сконфуженно произнес Монброн. – Сами же говорите – все ко мне.

– Мало ли что я говорю? – резонно заметил наставник. – Если замок атакуют, то надо его оборонять. А я от страха мог и запаниковать, начать отдавать неразумные приказы. Как-никак – это мой дом, единственное недвижимое имущество. И самое главное – никто из вас даже не задумался о том, что приказы, которые им отдали самозваные лидеры, могут быть неверны.

– Что значит – самозваные? – удивилась Эбердин. – Рози нас вела все лето, и это был общий выбор.

– Лето кончилось, и наступила осень, – мягко произнес маг. – Все, вы вернулись сюда, и вожаки более не нужны. Да они вам вообще не нужны. Маг – отдельная боевая единица, действующая исключительно самостоятельно и неподконтрольная никому. Воины – это воины, им без командира никак, но вы-то не воины, вы – маги. Они вне основных ударных или обороняющихся сил, они сами принимают решения о том, где и как наносить удары противнику.

– Не соглашусь, – проворчал я, заправляя рубаху в штаны. – Я читал о том, что маги часто работали совместно, особенно в военное время. И в странствиях летом мы про подобное слышали в тех местах, где побывали.

– Случается такое, – Ворон одобрительно посмотрел на меня. – Но это, скорее, исключение из правил, такое бывает в тех случаях, когда напасть очень велика и одному с ней не справиться. Или когда в осаду берут большой город, где проживает много магов, тогда они заключают подобие перемирия и работают совместно. Неохотно, как правило, работают. Еще иногда нашего брата сближает чья-то воля, которой на текущий момент мы не можем противостоять, как правило – королевская. Нет, в старые времена, говорят, маги были единым братством, где один стоял за всех и все за одного, но в те времена, если верить слухам, в реках вместо воды текло вино, на огородах крестьяне выращивали колбасу, а над Рагеллоном в небесах парили мудрые драконы. Поди проверь – так это было или нет? В любом случае, сейчас все по-другому обстоит. Дело в том, что мы все – эгоцентристы. У каждого из нас, а теперь и вас, есть свой путь, свои принципы существования и свое видение мира. И коллегам по цеху в этой картине мироздания места нет. Даже если вы хлебали из одного котелка и спали бок о бок пять лет подряд.

– А конклавы? – подала голос Луиза. – Не просто же так маги в них стремятся попасть? И там они едины в своих устремлениях.

– А вот это уже совсем другой разговор, – порадовался Ворон – Ладно, тогда перемещаемся в залу. Сегодняшняя побудка прошла неудачно, но выводы из произошедшего, надеюсь, будут сделаны?

– Еще бы, – хмыкнул Мартин. – Одетыми теперь спать будем.

Я, признаться, так до конца и не понял, зачем все это представление с грохотом и криками было нужно Ворону, но, с другой стороны, он ничего просто так не

делает.

– Итак – вы, де ла Мале, упомянули о конклавах, – Ворон начал вещать, как только вошел в обеденную залу. – Ну да, это объединение магов, которые, теоретически, стремятся к одной цели. Но только теоретически, смею вас заверить. На самом деле это не так. Точнее – не совсем так. Единственная цель, которая есть у любого мага, вступившего в конклав – вскарабкаться повыше по иерархической лестнице, в идеале – стать патриархом. Цель эта почетная, и того, кто ее достиг, следует как минимум уважать. Но опять же – это индивидуальная цель, она только для себя, про общее счастье, то, что всем и поровну, здесь нет и речи. Цели истинного мага всегда глубоко индивидуальны и подчинены только его личным интересам. Всё остальное и все остальные только инструменты для их достижения.

Я поймал взгляд Рози, которая сидела напротив меня. Ну да, что-то такое она мне говорила еще весной, когда мы с ней прощались перед тем, как разъехаться в разные стороны. Не дословно – но близко к тому. Кстати – я еще тогда задумался над тем, кем для нее буду, какое место она мне отвела в своих планах. Теперь у меня появилось название. Я – инструмент.

– Не вижу логики, – громко сказал Эль Гракх. – Вы же, разбудив нас, кричали: «Все на стены». То есть – к коллективным действиям призывали, не к индивидуальным.

– Само собой, – подтвердил Ворон. – Это мой замок, и мне нужны все, кто сможет его защитить. Но при этом свое место в бою каждый занял бы исходя из личных предпочтений. Вот ты или Монброн – были бы в первых рядах и, вероятнее всего, первыми же сложили голову. А вот фон Рут – какое бы место занял он, несмотря на то, что ему приказал Монброн? Фон Рут?

– Не знаю, – честно ответил я. – По ситуации. Не видя того, что творится под стенами, я вот так сразу не отвечу.

– Хороший ответ, – одобрил наставник. – Разумный. Но, заметим – ему даже в голову не пришло сказать: «Я бы следовал приказам лидера и встал туда, куда меня он направил». То есть – фон Рут все равно сам бы выбирал свое место в битве, исходя из каких-то личных резонов. Но, возможно, сделал бы вид, что кому-то подчиняется. Он непрост, наш фон Рут.

Несколько человек на меня посмотрели то ли с интересом, то ли с неприязнью.

– Наставник, – громко сказала Аманда. – А к чему все это нам сейчас говорится? В принципе? В чем конечный смысл? Если честно – я совсем уже запуталась.

– Повторю еще раз то, что я уже говорил вчера – мне надо, чтобы вы научились думать и действовать самостоятельно, – в тоне Ворона что-то поменялось, из него ушла ирония, он стал деловитым. – Без оглядки на того, кого вы выбрали своим лидером – явно или тайно. Совместная работа – она важна как инструмент, тем более во время обучения, но уже сейчас каждый из вас должен уметь принимать решения сам, делать это быстро и осознанно. И, что немаловажно – уметь нести ответственность за свои решения, даже если они будут катастрофичными.

– Ответственность перед кем? – уточнила Фриша.

– Там очень длинный список образуется со временем, – ответил наставник. – Причем как из живых, так и из мертвых. Но пока в нем значатся только я и те, кто сидит рядом с вами.

– Совсем запуталась, – вздохнула Магдалена. – Нам надо научиться принимать самостоятельные решения, которые, возможно, приведут к тому, что всем остальным станет плохо. При этом совместные решения мы должны отметать, даже если они разумные.

В голосе у нее было тщательно замаскированное ехидство, не сомневаюсь, что наставник его тоже заметил.

– Ну вот, уже определенный прогресс, – одобрительно произнес Ворон. – Ирония – это прекрасно. Заодно мы и определили ту группу, которая сегодня будет выступать в качестве подопытных кроликов.

– В смысле? – насторожился Мартин.

– Когда я сам был подмастерьем, наш наставник в течение всего срока обучения использовал соревновательный принцип – и это было действенно, – пояснил Ворон, доставая из кармана свою трубку. – У учеников был стимул, понимание

того, что все делается на перспективу, все-таки приятно быть первыми среди равных. Опять же – это поощрялось всякими приятными мелочами. Что до наставника, то ему наблюдать таким образом за нами было удобнее, выделять наиболее талантливых. Если честно, я это только сейчас в полной мере осознал, когда сам стал наставником, в те времена мне не до того было. Так что я не собираюсь рушить уже сработавшиеся летом группы. Зачем? Вы худо-бедно сработались, узнали друг друга. Хотя я и оставлю за собой право на некоторые перестановки, временные или постоянные.

А вот это было неприятно. В один прекрасный момент он возьмет, да и запихнет меня под крылышко к Рози, чего мне не хотелось бы. И начнется привычное: «Эраст – ты дурак».

– Поскольку занятия у нас большей частью будут практические, то мне будут нужны подопытные кролики, – продолжал Ворон, набивая трубку. – И брать я их буду из состава той группы, которая накануне показала наибольшую леность, дерзость и дурость. Магдалена, у вас есть ко мне еще какие-то вопросы?

– Одного за глаза хватило, – мрачно ответила вместо Магдалены Миралинда. – И по поводу ответственности мы тоже уже все предельно поняли.

– Увы, пока не все, – невесело проговорил Ворон. – Это так, ерунда. Все поймете, когда первую смерть на душу примете, ту, которая по вашей вине произошла. Вот это наука – так наука, с другими не сравнить. В первый раз очень тяжело.

– А потом? – спросил кто-то.

– Потом, – Ворон раскурил трубку, которую так и вертел в руках. – Потом привыкнете. Или умрете, тут вам решать. Ладно, разговоры оставим на потом, время дорого. Начнем с начала – анатомия, строение человеческого тела.

– Чего? – многоголосо отозвались мы.

– Анатомия человека, – повторил Ворон. – Что тут неясного? Что именно? Зачем вам это надо? Как вы собираетесь исцелять, если не будете знать, как именно устроено человеческое тело? Не только где у него причинное место находится, а из чего это тело состоит по сути своей, что у него внутри. Да и убивать так будет куда проще. Сейчас-то вы своими железками тыкаете, не разбираясь в сути

вопроса, наугад. Опять же – некоторые из внутренних органов человека в ряде разделов практической магии выступают как компоненты ритуалов. Да, это запрещенная магия – но она же есть? Жизнь разнообразна, надо иметь представление обо всем.

– Мне как-то страшно стало, – пробормотала себе под нос Магдалена. – Что он там про кроликов говорил?

– Испугались, – злорадно произнес Ворон, глядя на группу Мартина. – То-то же. Вот какую силу имеет не ко времени и не к месту произнесенное слово. Осознаете?

– Не то слово, – подтвердил собственно Мартин. – Прониклись. Очень страшно.

– Это хорошо – одобрил его фразу Ворон – Ладно, не дрожите, вы у меня, если что, запасными образцами будете, а пока есть кого препарировать. Давай-ка, прихвати пару ребят покрепче и иди в ледник, принеси сюда вашего приятеля, который там уже год как прохлаждается. Пока мы теорию будем проходить, он как раз немного оттает.

Мартин непонимающе заморгал, потом что-то смекнул и помрачнел. При этом недовольства не показал, хлопнул по плечам двух своих приятелей и направился к выходу.

– Де Фюрьи, а вам особое поручение, – Ворон посмотрел на Рози. – У вас легкая рука и внешность женщины, подарок от которой особенно приятен.

Я неплохо изучил Рози, и мог поклясться, что она немного смутилась, что для нее вообще не очень-то свойственно. Тем не менее она выдала белозубую улыбку, уставившись на наставника.

– Вон там, у стены, лежат пока что пустые книжицы, – продолжил тот, попыхивая трубкой. – Это – суровая необходимость, причем недешево мне обошедшаяся. Н-да. Но что делать, пришлось раскошеливаться. Памяти-то у вас нет, в этом я убедился, выслушивая истории о том, как вы летом странствовали. Сколько я вам всего рассказывал, скольким вещам учил – все впустую, все как сквозь пальцы песок. Так что будете записывать, раз по-другому не выходит, тем более что вы все тут грамотные, на вашу удачу. Так вот, де Фюрьи –

раздайте каждому по одному экземпляру. Нет-нет, не кому какой попадется, там, на обложках, написаны имена. Фальк, помогите де Фюрьи, книжицы все-таки увесистые.

А не поскупился наставник. Через пару минут Рози, по-хозяйски взъерошив мне одной рукой волосы, другой протянула увесистый томик в кожаном мягком переплете.

Был он толстенький, страниц, наверное, на триста, на светлой коже обложки виднелась вытесненная и позолоченная надпись:

«Эраст фон Рут. Личная книга подмастерья. Наставник – Герхард Шварц, м. 8 с. п.».

К книге прилагался карандашик, тяжеленький, свинцовый, притороченный к ней кожаным шнурочком.

– Что надо сказать? – недовольно проворчал Ворон, когда Рози завершила раздачу книгу.

– Спасибо, наставник, – ответили мы.

– Ну что такое? – расстроился тот. – Где слаженность, где единый порыв? Кто в лес, кто по дрова… А ну-ка – все вместе!

– Спасибо, наставник! – грянули мы.

– Милый, – в наступившей тишине добавила от себя Гелла и покраснела.

– Хорошо сказано, – Ворон приподнялся в кресле. – А вот и наглядное пособие пожаловало.

В дверях показался Мартин со товарищи, они, сопя, втащили в залу покрытый инеем, совершенно окоченелый труп.

Это был Матиуш, которого год назад во дворе замка, как свинью, разделал Гарольд.

Ну да, тогда Ворон что-то еще сказал, вроде: «Он нам еще пригодится». Правда, еще некромантия упоминалась в этой связи. Вот ведь – мы-то тогда подумали, что он шутит. Не шутил, и впрямь приберёг тело для дела.

– Вон туда, к стенке его кладите, – распоряжался Ворон. – На лавку. Вот. И пускай себе оттаивает. Нет, я бы мог его разморозить при помощи магии, но в этом случае у него могут пострадать внутренние органы. То есть для занятий по некромантии ваш приятель будет более чем пригоден, а вот в анатомическом смысле, увы, подпортится. Тем более что мы никуда не спешим.

– Это уж точно, – Луиза посмотрела на труп и сглотнула слюну. – Не спешим.

– Итак, открыли свои книги, взяли карандаши в руки и записали первую тему. Дату нынешнюю не забудьте указать, – голос Ворона взлетел к потолку, он встал с кресла. – Итак – «Устройство человеческого тела».

И с этого момента наша жизнь завертелась как колесо кареты богатого аристократа, который только и делает, что каждый день разъезжает по гостям. Мы не успевали замечать не то что дни – недели.

Мы детально изучили Матиуша изнутри, расписывая назначение внутренних органов как в теле человеческом, так и возможности их применения в магии. Что удивительно – от его трупа, уже несколько раз замороженного и вновь оттаявшего, еще кое-что осталось. В какой-то момент, правда, Ворон окончательно запер его в леднике, сказав, что на нас покойников не напасешься, а все его внутренние органы распихал по колбам с мутной и вонючей жидкостью.

Мы составляли свои самые первые магические боевые формулы, кривые и косые, но все-таки – свои. Результаты получались самые разные, порой совершенно непредсказуемые, но уверенности в себе они многим добавили изрядно. Впрочем, особо разгуляться в замке Ворон нам не давал, выгонял на двор. И еще он запретил испытывать их друг на друге. Под страхом смерти запретил.

Мы заучивали названия болезней и способы их лечения, причем уже не так, как в том году – по верхам и на примитивном уровне, а обстоятельно, разбирая все тонкости. Причем Ворон учил нас не только тому, как их врачевать, но и как их вызвать, что подпадало под строжайшие запреты Ордена Истины и относилось к подразделам черной магии.

Мы изучали способы скорейшего восстановления магической энергии. Это была одна из самых сложных проблем, с которыми сталкиваются подмастерья. Запас наших сил крайне ограничен, если верить мастеру, такова была изначальная воля богов. То есть – пара-тройка сильных заклинаний или пяток слабеньких – и мы становимся безобидными существами, вроде жужелиц. Но при этом есть возможность зачерпнуть силы на стороне – из грозовых туч, у воды и, что довольно рискованно – у Смерти. Читая лекцию на эту тему, наставник через слово говорил: «Тут нужна осторожность, поскольку долг всегда приходится отдавать».

Одно хорошо – после того, как маг получает посох, запас его сил увеличивается многократно. Вот только когда нам их еще выдадут?

Мы проводили опыты с кровью, своей и чужой, нагревая ее и обычным огнем, и магическим, смешивая с ядами и реагентами, причем всякий раз добиваясь разных эффектов, в зависимости от того, какую именно тему преподавал нам наставник.

С утра до вечера, зачастую забывая об обеде, мы запоминали названия разновидностей нежити и нечисти, которая встречалась в Рагеллоне, места их обитания, способы вызова, использования, изгнания и развоплощения.

Мы работали с металлами – серебром и свинцом, изготавливая из них незамысловатые амулеты от живущих в тенях, запоминая и записывая, против какого вида противников какой из них наиболее эффективен. Ну, и цены на их изготовление тоже – Ворон был практичен, и сразу сказал нам, что бесплатные амулеты делают только очень недальновидные маги, склонные к никому не нужному идеализму. Еще он пообещал некоторым из нас, выборочно, что в следующем году, если они до него доживут, он прочтет им отдельный курс по изготовлению более сложных талисманов и амулетов.

Я в число этих избранных не попал, но стороной Ворон меня не обошел. Он отчего-то решил, что я смогу добиться чего-то в области использования крови в магических ритуалах, а потому вручил мне две потрепанные книги, пахнущие пылью и клопами.

– Изучи, – последовал за этим короткий приказ. – Срока тебе на это – две недели, потом мы поговорим с тобой про то, что ты в них понял.

Мы все давно уже смекнули, что наставник изучает нас так же, как мы магические премудрости. Точнее – он оценивает потенциал каждого из нас, отталкиваясь от того, как мы показываем себя в изучении магии.

Впрочем, его предположения совпали с моими интересами – эта тема интересовала меня давно, с того самого момента, когда я смекнул, что, возможно, смогу избежать тех бед, которые мне обещал мастер Гай со дня нашего с ним знакомства.

Правда, сначала я даже немного струхнул, увидев названия книг, которые мне отдал наставник. На обложке одной было написано: «Фотий Раклюс. Кровь. Чары и проклятия», на второй: «Лев К. Шульц. Использование крови в заклинаниях боевой и бытовой магии». Первое, что я подумал – Ворон знает все. То есть – кто я, откуда и зачем сюда приехал. Но потом, поразмыслив здраво, решил, что это все совпадение. Ну, сами посудите – стал бы он со мной иметь дело, зная о том, что я подсадная утка? Да нет, конечно. Прикончил бы он меня при первом удобном случае – и всего делов. И даже объяснять никому ничего не понадобилось бы. Я же никто, и искать меня никто не будет. И претензию никто ему не предъявит – мастер Гай мне не учитель, а наниматель, то есть – все правила соблюдены.

А книги оказались очень интересные. Многое я в них не понимал, язык был для меня сложноват. Это же не учебники были, а трактаты, написанные магами высоких степеней посвящения для таких же, как они сами. Знаний у меня не хватало, а понимать, что там написано – хотелось. Потому каждый вечер я засиживался допоздна в обеденной зале, обложившись томами, в которых искал ответы на свои вопросы. Бывало, чтобы один абзац в «Крови» понять, надо было пять-шесть других книг перерыть. А потом еще и к наставнику подходить, потому как все равно что-то оставалось непонятным.

И знаете – меня это не раздражало и не утомляло. Учиться, вот так, по-настоящему, оказалось интереснейшим делом.

Тем более, что я не один такой был – почти все мои соученики отирались там же, в зале.

Еще один плюс, который обнаружился в таком плотном ритме жизни – у нас не оставалось времени на ругань и споры. Вот совсем. Если в предыдущем году без того, чтобы кто-то с кем-то сцепился, не проходило и дня, то сейчас все это сошло на нет. Некогда и неохота. Сил на подобное не было.

Дни летели за днями, сначала осень вступила в свои права, а к началу ноября, когда листва на всех деревьях сначала совсем пожелтела, а после почти облетела, в ночь выпал первый снег.

– Славно, – сообщил нам Ворон, утром выведя нас на улицу. Он глубоко вдохнул морозный воздух, покрутил от удовольствия головой и повторил: – Славно! Люблю это время года.

– Да чего же в нем хорошего, хозяин? – спросил у наставника Тюба, проходящий мимо нас. – Грязюка непролазная, дожди да слякоть – вот и вся ваша осень.

– Дурак, – беззлобно ответил ему наставник. – Осенью многие травы, собранные летом, в самую силу входят. Змеиную кровь хорошо осенью собирать – она густая, стоялая, змеи-то уже в спячку впадают. Яд у них слабый, не то что весной, толку от него нет, но вот кровь отменная. Фон Рут, ты это запомни, а лучше сразу запиши в свою книгу, чтобы не забыть. Что еще? Заклинания воды особо сильны в дни вроде этого – она собирается на покой, летние грозы и осенние дожди придали ей мощь, а первый снег убаюкивает. Таких дел с водой наворотить поздней осенью можно! Правда, там есть тонкость – надо очень хорошо соразмерять свои силы, вода коварна и, если твоей мощи недостанет, чтобы управиться с ней, то вместо того, чтобы помочь, она может вытянуть твою жизнь.

– Ага, – кивнула Аманда и загнула уголок у книги, которую держала в руках. Она, как и мы все, теперь с ней почти не расставалась. В том-то учебном году мы вообще ничего не записывали, и, видимо, компенсируя это, теперь Ворон заставлял нас фиксировать каждую мелочь.

Ворон выделил ее способность слышать воду. И не только у нее – подобным талантом еще были одарены Эль Гракх и Сюзи Боннер.

Собственно, было очень мало людей, которым компании в выбранной ими магической стезе, если можно так это назвать, не досталось. Если совсем точно – их было трое. Одним из них был я – кроме меня магию крови никто углубленно не изучал.

А еще были Мартин и Карл Фальк. Они в каком-то роде тоже выделились из основной массы. У них не оказалось никаких талантов, и Ворон им никаких дополнительных заданий не дал. Я предполагал, что до них просто дело еще не дошло, и даже Карлу это говорил, поскольку тот по этому поводу здорово расстроился. Он меня слушал, соглашался, кивал, но с каждым днем становился все мрачнее.

Как и Мартин. Тот вовсе только что на стены от злобы не бросался. Хотя, к его чести сказать, на ближних своих досаду не вымещал и в драку не лез.

– Отличный денек, – Ворон потер руки и весело посмотрел на нас. – И знаете, для чего он особенно хорош?

– Для смерти, – хмуро предположил Карл.

– Какие у тебя мрачные ассоциации, Фальк, – пожурил его маг. – Фу-фу-фу. Но при этом ты прав.

– Вот тебе и раз, – звонко сказала Рози. – Сразу два в одном – смерть в начале зимы и догадливость Фалька. Убийственное сочетание. А давайте совместим одно с другим. Карла все равно не жалко. Больше скажу – мы столько припасов сэкономим одним махом! И потом – он вечно во сне причмокивает, и желудок у него ревет как гарнизонная труба. Я последние ночи спать боюсь, если честно, все опасаюсь того, что он меня в один прекрасный момент съест.

– Прости за банальность, но тебя, де Фюрьи, никто есть даже в самую голодную годину не станет, – бросила Аманда, даже не повернув голову в сторону Рози. – Во-первых – больно ты тоща, во-вторых – в тебе яда больше, чем в любой пустынной змее.

– Действительно – неоригинально, – заливисто рассмеялась моя нареченная. – Подобное я слышала – и не раз. Но при этом я на тебя совершенно не держу обиды. Обижаются на равных, а кто ты теперь такая? Ты даже не безродная, ты даже не простолюдинка. Ты – никто. Глупо обижаться на существо, которого не существует.

Фриша помрачнела и нехорошо сузила глаза, у Гарольда дернулась щека, а я впервые в жизни захотел ударить женщину. Да и ударил бы, не удержи меня Аманда, которая, как видно, что-то почувствовала и цепко схватила меня за руку.

Рози заметила мою реакцию, я понял это по сузившимся на мгновение глазам. Скверно. За себя я не боюсь, но как бы она чего Аманде не сделала.

Семь демонов Зарху, а не специально ли она все это устроила? С неделю назад у нас с ней состоялся один короткий разговор, в котором она просила меня общаться с Амандой как можно меньше, но я ему большого значения не придал. А она, как видно, сделала какие-то свои выводы и решила просто так это дело не оставлять.

Знаете, Рози, по моему мнению, самая умная и дальновидная из всех нас, это факт. Нет, здесь совсем уж дураков не осталось, они либо отдали богам душу, либо покинули нас еще тогда, весной. Все, кто стал подмастерьями, хоть как-то – но соображают. Но Рози – она не просто умеет думать. Она умеет предугадывать события и обращать их в свою пользу. Я подобным похвастаться не могу, по крайней мере – пока. Да и друзья мои немногим от меня отличаются. Как видно, подобное тянется к подобному, скверные из нас стратеги получились.

А еще Рози отменно умеет выжимать максимум пользы из ситуаций, возникших спонтанно, вдруг. И обращать их в свою пользу по полной.

Если совсем уж начистоту – я ею в каком-то смысле даже восхищаюсь, серьезно. Ворон нам не раз говорил, что восхищаться чужим талантом не зазорно, равно как и учиться у того, кто знает какое-то мастерство лучше тебя. Ну, учиться у Рози я не собираюсь, но признать ее умение манипулировать людьми можно и нужно. А что? Не каждый так сможет. Если бы не Аманда, то кто знает, как все повернулось бы у нас с ней.

Но Аманда – есть. Пусть мы почти не разговариваем, пусть она делает вид, что ничего между нами не было, и я старательно ей подыгрываю, но она есть.

– Стоп! – хлопнул в ладоши Ворон. – Эти ваши дрязги оставьте на потом. В конце концов, если уж вы совсем не можете ужиться друг с другом – сойдитесь в поединке. Но – потом. Сейчас у нас с вами будет немного другая забава.

Наставника мы и до того слушались, а после того, как он ввел обычай одну из групп делать крайней на занятиях, это переросло в беспрекословность.

Мы проштрафились за это время четыре раза. В первый раз на де Лакруа и Жакобе отрабатывали приемы ментального давления на разум, и они после этого дней пять вообще спать не могли, во второй досталось мне – Ворон раздел меня догола и на моем теле показывал всем, из каких точек, находящихся на нем, маг в случае нужды может зачерпнуть немного энергии. И последующие разы были не лучше, можете поверить.

Так что все привыкли к тому, что каждое слово, сказанное наставнику, может дорого обойтись.

Рози изобразила, что она зашивает иголкой свой рот, Аманда отпустила меня и уставилась себе под ноги.

– Вот и славно, – Ворон даже похлопал в ладоши. – Ну что вы напряглись все? Сегодня будет весело, сегодняшнее занятие вам понравится. Серьезно. Больше скажу – некоторые из вас вообще об этом втайне мечтают. Нет, Фальк, мы не будем из воздуха добывать еду. Я вообще не знаю ни одного мага, который такое может сделать. Материализация неодушевленных физических предметов – это сказки, пришедшие к нам из древности. Невозможно из ничего сделать что-то. Мы умеем разрушать, мы умеем созидать, но не творить. Сжечь, вылечить, убить, построить – это в наших силах. Но извлечь из пустоты тушку поросенка – это не под силу никому, кроме богов. Вот перенести ее с места на место – это пожалуйста. Создать иллюзию этой тушки – тоже вполне реально. Хорошую, качественную, осязаемую – но иллюзию. А вот подлинного жареного свиненка, сочного, аппетитного и ароматного, никому не сотворить, даже патриарху конклава. Нет у нас таких сил и формул таких у нас тоже нет.

– А жаль, – причмокнул Карл.

– И мне жаль, – вздохнул Ворон. – Очень продукты стали дороги. Ладно, я о другом.

– А до восстания учеников, говорят, была такая формула, – еле слышно шепнула Луиза. – Я про это читала.

– Цыц! – рыкнул Ворон. – Неслухи. Вот радуй вас приятной новостью.

Тюба, стоявший неподалеку, отчетливо хмыкнул.

– Итак, – наставник повысил голос. – Сегодня вы попробуете меня убить. Вы получили достаточно теоретических знаний, чтобы составить свои первые формулы боевых заклинаний. Проверим, как они вам удались.

Глава пятая

– Ого, – Гарольд хрустнул костяшками пальцев. – Умеете вы удивить, наставник.

Карл согласно закивал головой, да и остальные соученики выглядели обескураженными.

– У меня вопрос, – подал голос я. – Мастер, это будет полноценная схватка? То есть – вы будете только защищаться или атаковать тоже?

– Если я буду атаковать, то это будет не схватка, а смертоубийство, – с сожалением в голосе сказал Ворон. – Пока только защищаться стану. Хотя кое-кого из вас я иногда очень даже хочу… Н-да. Вы иногда бываете как деревянные куклы в уличном балагане – головы пустые и двигаетесь только после того, как вас за ниточки подергаешь.

Не я один после этих его слов облегченно выдохнул. Понятно, что убить он нас не убьет, но лечить потом ожоги и разные другие повреждения лично мне точно не хотелось. Наша группа недели две назад выступала на занятиях в качестве «кроликов», так я после этого еще дня три ногу приволакивал – на мне

отрабатывали сращивание костей. Для этого в тот день мне несколько раз перебивали левую ногу, Ворон лично это делал, с шутками и прибаутками. Скажу честно – было не сильно больно, не сказать – не больно вовсе, но очень страшно. И сам процесс был пугающим, и осознание того, что сращивать ее будет кто-то из соучеников. С них станется что-то напутать, после чего я останусь калекой навсегда. Карл, например, со мной еще дня три после этого не разговаривал, поскольку я его до врачевания своей конечности так и не допустил, отгоняя истошными воплями и угрожая кинжалом.

Вот и сейчас – умом-то я понимал, что Ворон нашей погибели не допустит, но все равно было жутковато.

– Полегчало? – спросил у меня наставник, сбрасывая свою шубу на руки Тюбы, ошивавшегося рядом с ним. – А, фон Рут?

– Неимоверно, – как на духу ответил ему я. – Просто силы разные. Нет у нас еще опыта в достаточной мере для того, чтобы схватка была на равных.

– Ты оптимист, – Ворон рассмеялся. – Веришь в то, что раньше или позже наберешься опыта в таком количестве, чтобы меня победить?

– Я много во что верю, – уклонился я от прямого ответа.

– Хитрец ты, фон Рут, – погрозил мне пальцем Ворон и обратился к остальным: – Вы с ним ухо востро держите, особенно девушки. Такого ловкача даже «перстень двух душ» на пальце не остановит, имейте в виду.

– Тем хуже будет для него, – громко сказала Рози. – И для той дурочки, которая его обещаниям поверит.

Аманда деланно рассмеялась.

– Может, уже начнем? – спросил у наставника Гарольд. – Что время терять?

Мой друг все подмечал и не хотел продолжения недавней перепалки.

– И то, – согласился с ним Ворон. – Только вот еще что – надо бы вам дать некий стимул для достойной конкурентной борьбы. Пятеро лучших получат небольшую награду – завтра они отправятся со мной в Кранненхерст. Фальк, слышишь? Ты ведь туда так рвешься – вот твой шанс.

– Ага, – оживился Карл, скидывая меховой плащ и сунув его мне в руки. – Так, может, я и начну? Буду первым.

– Почему нет? – Ворон сделал несколько шагов в сторону. – Вставай вон туда, где камень лежит, там будет твоя позиция. Я останусь здесь, то есть расстояние будет как раз такое, которое предписано в уложениях по магическим поединкам. Все их читали?

Кто-то кивнул, кто-то отвел глаза в сторону. Нам было чем заняться, потому лишней информацией многие голову не перегружали. Практическую-то часть этого уложения изучили, а вот формальную, где описывались ритуалы вызова на поединок и его технические особенности, пролистали. Я и сам так поступил.

Карл встал у небольшого валуна, изрядно вросшего в землю, и уставился на наставника, стоящего шагах в двадцати от него.

– Все – семь шагов в сторону, – потребовал Ворон. – Не хватало еще, чтобы кого-то зацепило заклинаниями, лечи вас потом.

В этот момент из-за туч, которые висели над замком добрых две недели, выглянуло солнце, осветив двор, нас, столпившихся на нем, и Карла с Вороном, стоящих друг напротив друга.

– Если бы я верил в приметы, то сказал бы: «Сие добрый знак», – сообщил нам наставник. – Но я в них не верю, и вам того же желаю. Приметы выдумывают слабые духом люди, чтобы оправдать ими свои собственные неудачи, лень и глупость. Сильный человек верит только в себя и иногда в друзей, а не в то, что якобы ему предсказывают боги, черные кошки и неполная луна, на которую не следует смотреть через левое плечо.

– Красиво сказано, – Мартин внимательно наблюдал за происходящим. – Подпишусь под каждым словом.

– Ну, барон Фальк, удивите меня, – произнес Ворон с улыбкой. – А то мне что-то холодно становится. Гелла, отсчет, ты у нас сегодня за секунданта будешь.

– Три! – звонко крикнула Гелла.

Карл отставил ногу назад и вытянул вперед правую руку. Значит – магия огня, эта поза предполагает именно ее, так нас учил Ворон. Магический огонь, в отличие от воды, эффективен на небольших расстояниях, потому надо использовать любой шанс увеличить радиус поражения. В нашем случае – на небольших. Да и откуда большим взяться? Мы в начале пути, у нас и сил мало, и техника исполнения на обе ноги хромает. А у матерых магов те же огненные шары летят на такое расстояние – что ты! И размером они раз в пять-семь больше, чем те, которые создаем мы.

– Два!

Ворон вздохнул, глядя на Карла и покачал головой.

– Раз! – взвизгнула Гелла.

Средних размеров огненный сгусток вырвался из руки Фалька, который сразу же после слов Геллы выкрикнул формулу заклинания.

Пролетев метра полтора, пламенный кругляш наткнулся на куда больший размером водяной кулак, который отправил ему навстречу Ворон. Причем вода приняла именно что внешний облик кулака, наш мастер был привычно ироничен.

Поглотив огненный шар, кулак вдарил по Карлу, промочив его с головы до пят и сбив с ног. Ну да, не больно, но унизительно.

– Один – ноль в пользу наставника! – радостно крикнула Гелла.

– Назовите мне самую главную ошибку, которую допустил Фальк, – потребовал Ворон. – Эль Гракх?

– То, что первым в схватку полез, – предположил пантариец. – Надо сначала было на других посмотреть.

– Логично, но неверно, – помотал головой наставник. – Де Прюльи?

– Он дал вам понять, какое именно заклинание собирается использовать, – помолчав, ответила Агнесс. – У вас было время для того, чтобы подготовиться для его отражения.

Агнесс стояла рядом с нами. Формально она была в группе Мартина, но все чаще и чаще проводила время в нашей компании. Тому изрядно поспособствовали наши рассказы о том, какие славные у нее родители, причем слова эти были абсолютно не дежурные. Пара дней, что мы провели под крышей её дома, осталась в наших душах навсегда, как одно из самых светлых воспоминаний в жизни. По крайней мере, у меня точно.

Надеюсь, Равах-ага все-таки передал письмо, которое мы написали отцу Агнесс, по назначению. Еще тогда, в Халифатах он заверил нас, что это произойдет быстрее, чем мы покинем южные моря, и мне хотелось верить, что это случится именно так. Еще я надеюсь на то, что дон Игнасио поверил в то, что с нами все хорошо.

– Молодец, – Ворон вытянул руку в направлении Агнесс. – Верно подмечено. Что самое главное в поединке с подобным себе, то есть – с магом? Непредсказуемость. Ваш противник не должен прочитать и просчитать ваши жесты, взгляды, мимику, не должен понять, что именно вы задумали, какое оружие выбрали против него – воду, огонь, воздух или что-то иное. В принципе, это правило хорошо для любой области применения человеческих талантов, но в магических поединках подобное является насущной необходимостью. При условии, разумеется, что вы желаете после него остаться в живых.

Агнесс зарделась, похвала наставника была ей приятна. Оно и ясно – она, увы, талантами не блистала, это следовало признать, так что доброе слово Ворона для нее было ценно вдвойне.

– А раз вы такая умница-разумница – пожалуйте ко мне, – Ворон помахал рукой. – Фальк, иди в замок, обсыхай, а то простынешь.

– Не простыну, – проворчал мокрющий Карл. – Ведь обещали не наносить ответных ударов! Нечестно поступили.

– Надо уметь отличать контратаку от подзатыльника, – парировал Ворон. – Здесь был именно он, причем заслуженный. Причины объяснить?

– Не надо, – ответил за Фалька Гарольд. – Барон, сюда иди, плащ у Эраста бери.

Монброн понял, что следующей фразой наставника может быть: «Завтра вашей группе выступать в качестве учебных пособий» и решил подстраховаться.

Карл посопел и направился к нам, отряхиваясь на ходу, тем временем то место, где он стоял, заняла Агнесс.

– Ну, – Ворон изобразил что-то вроде полупоклона. – Мистресс де Прюльи, вы готовы?

– Да, – сосредоточенно ответила Агнесс.

– Гелла, – щелкнул пальцами наставник.

– Три! Два! Один! – как горошинами из стручка сыпанула словами та.

Агнесс выбросила вперед правую руку, чуть ли не фальцетом неразборчиво выкрикнув формулу, причем следом за ней последовала вторая.

Шагах в трех от Ворона образовалась туманная дымка, довольно густая, которую секундой позже пронзила огненная стрела.

– Пульнула в белый свет, как в грошик, – саркастично заметила Рози. – И туману-то, туману нагнала.

Последнее она преувеличила – туманная дымка уже почти рассеялась, точнее – стала инеем. А вот насчет огненной стрелы – это да. Агнесс сама себе помешала – создав завесу, которая, по идее, должна была сбить с толку нашего наставника, она не смогла толком прицелиться, и метнула заклинание так, наудачу. В результате та прошла изрядно выше головы Ворона.

– Н-да, – Ворон почесал за ухом. – Однако. Знаете, де Прюльи, даже не знаю, что сказать. Идея мне понятна и реализовали вы замысел неплохо, с точки зрения

исполнения. Но если бы мы с вами бились по-настоящему, то сейчас я уже потрошил бы ваши карманы. Что за гримасы? Что с боя взято, то свято, а обобрать труп коллеги по цеху – это священная обязанность любого разумного мага. Амулеты, зачарованные предметы, свитки – это все полезные в хозяйстве вещи. Да и деньги никогда никому не мешали, скажу я вам. Поменьше чистоплюйства – и шансы на то, что над вашим телом не прозвучат слова: «Он ушел совсем молодым», значительно увеличатся.

– Золотые слова, – сообщила всем Фриша. – Жалко, Флик этого не слышит.

Да, маленький воришка порадовался бы, услышав подобное, что есть, то есть.

– Ну что, ошибки де Прюльи разбирать будем? – поинтересовался Ворон. – Всем ясно, что надо непременно учитывать погодные условия и нельзя бросать два заклинания сразу, чтобы не обезоружить себя, оставшись с пустыми руками? Ясно? Тогда попрошу выйти сюда… Э-э-э-э-э… Вот хоть бы Эбердин. Нога не беспокоит? Ну и славно.

Один за другим мои соученики терпели поражения. Впрочем, ничего другого ждать и не приходилось, просто в силу опытности наставника и нашего неумения. Силы были слишком неравны. Но победы от нас и не требовалось, нужно было другое – из каждого поединка выносить опыт, понимание того, как именно не надо действовать.

С шутками, зачастую достаточно обидными, что было для него свойственно, Ворон разбирал ошибки выходящих к нему подмастерьев. Хотя мы на эти самые шутки внимания особо и не обращали – ну, вот такой он, что теперь сделаешь. Главное – он нас учит, и делает это на совесть.

– Так, кто у нас остался? – Ворон пробежался взглядом по нашим немногочисленным рядам. – Фон Рут. Как же это я про тебя забыл?

– Случайно? – предположил я.

– Не иначе как, – согласился со мной наставник. – Ну, иди сюда.

За то время, что у меня было, я перебрал десяток заклинаний, которые мог использовать, не опасаясь, что они у меня вовсе не получатся. Маловат у меня был пока магический багаж, у той же Аманды он составлял почти два десятка формул, которые она научилась использовать достаточно умело. Правда, это ей не помогло в схватке с мастером. Она попробовала пустить в ход магию земли и использовала заклинание «Земляные лапы». Предполагалось, что почва под ногами Ворона превратится в некоего бесформенного глиняного силача, который секунд на тридцать лишит нашего наставника возможности двигаться, а Аманда в это время его добьет чем-то еще из своего арсенала. Не вышло – мастер разгадал ее трюк, небрежным движением усмирил землю под своими ногами, с печалью глядя на испачканные грязью сапоги.

Но, что примечательно – потом похвалил, отметив, что попытка была неплоха.

Я встал напротив Ворона, тот насмешливо посмотрел на меня, после похлопал себя ладонями по плечам и произнес:

– Надеюсь, хоть ты меня заставишь попотеть, барон. Озяб я тут с вами.

– Надейтесь, – вырвалось у меня непроизвольно.

И в уме не было злить наставника, оно само как-то получилось. По толпе соучеников пронеслись смешки, кто-то присвистнул и сообщил остальным: «Силен».

– Гелла, – уже привычно скомандовал Ворон.

Я посильнее сжал пальцы правой руки, надеясь на то, что на снег у моих ног не упадет ни капли крови. Ну да, он был уже изрядно утоптан, засыпан глиной, пеплом и еще не пойми чем – Ворон развлекался от души. И все-таки – кровь есть кровь, маг его уровня может ее даже не увидеть, а попросту учуять.

Ладонь я полоснул ножом сразу же, как услышал свое имя – он давно был наготове. Магия крови – мой выбор для поединка был очевиден, именно в ней я преуспел больше, чем других в разновидностях великого искусства чародейства. А если совсем уж честно – нравилась она мне, я ее, если так можно высказаться, ощущал. Когда я составил свою первую формулу, которая называлась «Волна безумия» и была направлена на то, чтобы заставить того, на кого

накладываются чары, ощутить бешенство, полностью потеряв над собой контроль, то понял – это мое. Словесные компоненты, найденные в тех книгах, что дал мне наставник, составились в одно целое так легко, что, даже не испытав заклинание на ком-либо, я был уверен в том, что оно рабочее.

Вообще, составление формул – это было что-то невообразимое. Когда я еще жил, точнее – выживал, в подворотнях Раймилла, я был уверен, что маги творят свою волшбу просто и незамысловато. Махнул магик посохом – и золото с небес посыпалось. Пальцем шевельнул – и все его враги умерли.

Вот уж нет. Как и говорил нам когда-то Ворон – ничто из ничего не возникает. А уж магия – в особенности. И у каждого мага – она своя, личная. То есть – компоненты заклинаний и их общие формулы – они давно вычислены и записаны в книгах, но каждый из нас будет, как бы так сказать… Подгонять эти формулы под себя. Пока ты не пропустишь их через свои мозги, через свою душу – заклинание не станет тебе подчиняться. Ты можешь зачерпывать сколько угодно магической энергии, ты можешь хоть про себя, хоть в голос орать то, что записано в книгах – ничего не произойдет.

Но вот когда ты составил компоненты, ощутил после этого слабость в ногах и блаженное тепло в желудке, такое, как будто ты одним махом ахнул немаленький кубок вина изрядной выдержки, а в душе твоей как будто весенним цветущим лугом пахнуло – значит ты сделал все так, как надо, и это заклинание теперь с тобой навсегда. И оно будет подчиняться тебе с каждым использованием все лучше и лучше. Да и в ход пускать его станет куда проще, не надо будет проговаривать всю формулу вслух, оно будет подчиняться твоей мысли. Правда, до такого совершенства его доводить надо не год и не два, и даже не двадцать, подобное доступно только магам высоких степеней посвящения. Но и маг первой, самой невысокой степени, на использование «своего», если так можно выразиться, заклинания тратит секунды, а не минуты.

Бывало и такое, что и заклинание составлялось верно, и ты мог его использовать, но миг истины не возникал. Значит – не твое оно, не сможешь ты раскрыть всю его мощь, как ни старайся. Это как когда умелый столяр взялся колодец копать. В своем деле – он мастер, и его изделия пользуются большим спросом, за ними люди со всего королевства едут. Колодец он, скорее всего, тоже выкопает, почему нет, но в нем либо воды будет мало, либо грязной та вода будет, с песком напополам. Потому что – не его это. Тут колодезник нужен, специалист.

Все это Ворон нам еще в том году рассказывал, но слова его до нашего разума только сейчас дошли, когда мы сами что-то пробовать делать начали. И его фразу: «Вся сила в постоянной практике» мы тоже именно сейчас осознали.

– Один! – выкрикнула Гелла.

Я качнулся влево, выбросил вперед руку и еле слышно прошептал формулу заклинания «Ловчая сеть». Если говорить честно, то более всего она напоминала бессвязный набор букв, как и большинство других заклинаний. Мне всегда казалось, что заклинания должны состоять из каких-то красивых слов, грозных или величественных, но нет. Конкретно то заклинание, которое я только что использовал, звучало как «Арсстронто». Я же и говорю – ахинея какая-то.

Кровь, накопившаяся в кулаке, после моего резкого движения брызнула во все стороны, но не вся, далеко не вся.

Большая часть ее устремилась к Ворону, быстро, не сказать – стремительно. В движении она как бы размазалась по воздуху, превратившись в отчетливо различимый квадрат, разделенный на множество ячеек. И в самом деле – это было похоже на кусок рыболовной сети. Или пчелиные соты, такое сравнение было в учебнике, из которого я и подчерпнул это заклинание. До того в действии я его не видел – нужна была цель, да где ее возьмешь? Мы было хотели друг с другом проводить тренировочные поединки, да Ворон нам это запретил, сказав, что мы поубиваем друг друга.

Следует заметить, что данное заклинание было если и не из запретных, то из не одобряемых Орденом Истины точно. «Ловчая сеть», если верить книге, была одним из старейших боевых заклинаний и эффективно использовалась в магических войнах прошлого. Она поражала цель изнутри, если можно так выразиться, а служители Ордена не приветствовали подобное вторжение в сущность человеческую.

Данная сеть должна была с легкостью преодолеть и одежду Ворона (даже если бы на нем был доспех или кольчуга), после кожный покров и впитаться в плоть. Конечная цель – кровеносная система, после того, как вот это мое творение попадет в его вены, оно должно вспыхнуть, сжигая наставника изнутри. Вот такое вот заклинание, убийственное и страшное, как по мне.

Но и плата за него была велика – через несколько минут меня накроет изрядная слабость, причем она будет напрямую связана с тем, насколько удачно сработало заклинание, то есть – чем хуже пришлось моему противнику, тем больше я ослабну. Заклинания крови делились на несколько групп, в зависимости от степени действия, конкретно это относилось к тем, которые имели обратный эффект, такова была его природа. Правда, в данном случае было исключение из правила обратного эффекта – если противник умрет, то «отката» (так Ворон называл неприятные последствия заклинаний) не будет вовсе. Что-то вроде приза удачливому магу.

А еще в ближайший час другие заклинания крови будут забирать у меня больше магических сил, а может, даже и жизненных. Это тоже плата за использование заклинаний с обратным эффектом.

Рассказываю я долго, а происходило все очень быстро – багрово-красная сеть устремилась к Ворону, я же в это время стряхнул остатки крови вниз, на снег и пробормотал очередную формулу.

Тут же у моих ног снег зашевелился и из-под него на свет белый выползло невысокое, мне по колено, растение, с толстым стеблем, несколькими короткими ветками, на которых трепыхались маленькие остроконечные листья, и увенчанное роскошным цветком с красными лепестками, чем-то похожим на уродливую волчью голову.

Вот тут что-то пошло совсем не так, как предполагалось. Во-первых – растение было куда меньше, чем следовало. Во – вторых – оно было вполне себе реальное, осязаемое, а не призрачное.

Заклинание «Цветок ночи», одно из первых, которое я выучил, должно было вызвать именно что призрачное растение, которое будет защищать меня от магических атак, принимая удар на себя. Ну да, в непосредственно боевых условиях я его не проверял, но в те разы, что я его вызывал при тренировках, оно получалось правильным – с меня ростом и почти незаметным на свету. А тут – вон чего вылезло.

Тем временем наставник спалил мою сеть огненным знаком (сгорела она красиво – знак врезался в ее середину, квадратики вспыхнули синим пламенем и осыпались на снег пеплом) и, засмеявшись, спросил у меня:

– А это что такое ты вырастил?

И он показал на растение, которое вертело цветком, как головой, тычинка в его центре более всего напоминала то ли хоботок, как у комара, то ли нос.

– Не знаю, – честно признался я. – Должен был появиться «Цветок ночи», а вылезло вот это.

– Знатный цветовод, – шмыгнув носом, злорадно сказал Карл, порядком озябший, но не уходящий со двора.

Ребята засмеялись, Фриша еще и спела несколько строчек старой крестьянской песенки о жадном Билли, который посадил на поле овес, но забыл добавить в пашню навоз.

Тем временем безымянное растение выдрало из сугроба корешки, и на них, как на ногах, подбежало ко мне, протягивая свой хоботок к той моей руке, из которой еще сочилась кровь. Пусть уже не так сильно, как раньше, но все же сочилась.

– А ну кыш! – я отбросил кровелюбивое растение от себя ногой. – Ничего себе! Сотворил на свою голову.

Интересно, а как его загнать обратно, туда, откуда я его призвал? Призрачный цветок исчезал где-то через три-четыре минуты, в том случае, если он принимал на себя удары противника – то быстрее, в зависимости от того, насколько сильно ему доставалось. А вот этот, непонятно откуда вылезший… Кто его знает? Может, попросить Агнесс его огнем сжечь? Или сталью его можно прикончить?

– Знаешь, я много чего повидал, но вот такое вижу впервые, – с непонятными интонациями сообщил мне Ворон. – Интересно как. Ты его оставь, не уничтожай, я потом гляну, что это такое у тебя получилось.

Видно, он по моему лицу ход мыслей уловил.

– Скажу тебе то же самое, что Грейси, – Ворон поманил к себе пальцем Тюбу. – Исполнено неплохо, но есть ошибки. Первая из них – твое желание сразу пустить

в ход самое убийственное заклинание из своего арсенала, то ли чтобы произвести на меня впечатление, то ли просто по недомыслию. Ну вот спалил я твою сеть – и что? Ты исчерпал себя, на носу сильнейший «откат», а я, все такой же бодрый и веселый, подхожу к тебе, уничтожаю твой… кхм, цветок-защитник, если не умираю до этого от смеха, и препарирую твою почти бесчувственную тушку. Фон Рут, ты же выучил «Пурпурные стрелы», почему было не начать с них? Сначала «Стрелы», чтобы меня дезориентировать, потом сразу же «Ловчую сеть» и только после всего этого – защитника, на всякий случай. Сил на все эти три заклинания у тебя хватило бы. А лучше вообще без «Ловчей сети» обойтись, чтобы не обессиливать себя, это заклинание на самый последний момент, когда уже выбора не остается. Нет, в данной ситуации результат был бы тот же, но я при таком раскладе тебя как минимум похвалил бы. Потому что это была бы уже стратегия поединка, хорошая и разумная. А так – ты показал мне то, что чему-то научился – но пока не более.

Меня шатнуло – пришел «откат». Растение, как будто почуяв это, оживилось, снова поднялось на ноги-корешки и потихоньку засеменило ко мне.

– Брысь, – рыкнул на него Ворон. – Вот же. Тюба, в ведро его и ко мне в кабинет. И придави чем-нибудь сверху, чтобы не сбежало, лови его потом по всему замку.

Сдается мне, что-то наш наставник про такие растения все-таки знает. Черт, какая неприятная штука этот «откат» – ноги как ватные, по венам как будто огонь течет и все лицо горит. Не было у меня такого ни разу. И это ведь заклинание цели не достигло, то есть это даже не откат, а так, пустяки.

Все-таки непростая вещь магия крови, у «воздушников» или «огневиков» такого нет.

И насколько силен мастер Гай – он ведь тогда надо мной заклинание высшего порядка сотворил, теперь-то я понимаю очень хорошо, после тех двух книг, что мне Ворон дал. Там столько силы вложить было надо, столько мощи – и он после этого еще шутки шутил, хотя по всему должен был без задних ног дрыхнуть.

Это при том условии, что он тогда и в самом деле что-то надо мной сотворил. Хотя – кровь у меня в тот момент чуть не закипела, я же это помню. Верный признак заклинания именно из этого раздела магии.

– А вообще – молодец, – подытожил наставник и приложил мне руку ко лбу, она была приятно-холодной и мне как-то сразу полегчало. – Есть в тебе потенциал – и неплохой, не ошибся я.

Соученики, стоящие неподалеку и слышавшие его слова, посмурнели.

– Как и во всех остальных, – верно расценил их молчание наставник. – И не примите это за комплимент, это я над вами всеми так изощренно издеваюсь. Ладно, кто там еще остался? Мартин, де Фюрьи, Боннер? Всё? Нападайте все трое одновременно, не будем терять времени. Я замерз и хочу есть.

Даже втроем наши соученики не добились успеха – Ворон с легкостью блокировал их потуги нанести ему вред, а Мартина еще и изрядно оглушил его же «Воздушным молотом», который тот попытался применить. Там в заклинании есть хитрость – его можно обратить против заклинателя, если знать, как это делать. Так что в замок нашего закадычного врага тащили под руки, а он знай мотал ошарашенно головой, да время от времени хватал воздух ртом.

Но никто не злорадствовал – смысла в этом не было. Остальным-то тоже перепало. И потом – все шуточки звучали в мой адрес, а произнесенное Амандой «садовник» просто-таки ко мне прилипло, так что мне, похоже, досталось личное прозвище. Ладно хоть не «цветовод», которого помянул Фальк.

Непонятное растение Тюба утащил в покои Ворона, оно скреблось в ведре, придавленное булыжником и прощально махало мне корешками. По крайней мере у меня создалось такое впечатление. Только что «папа, помоги!» не кричало.

После обеда, который впервые на моей памяти готовили не мы, а молчаливая служанка наставника, и на который нам дали гороховую похлебку со свининой, повергшую Карла в восторг, Ворон раскурил свою трубочку и спросил у нас:

– Чего молчите? Ждете от меня каких-то слов, кроме того, что уже услышали там, на улице?

– Хотелось бы, – Рози своими результатами точно была недовольна, поскольку на все ее потуги с магией воды наставник сказал только: «Ну-ну». Это мою достаточно тщеславную нареченную сильно опечалило.

– Почему нет? – дружелюбно согласился Ворон. – Можно сказать кое-что, а выводы потом сами делайте. Завтра в Кранненхерст со мной идут де ла Мале, Агнесс де Прюльи, Фриша, Жакоб и фон Рут. На этом все, свободны. И не думайте, что это я такой добрый и пожалел вас после сегодняшнего, просто сам хочу немного от вашего гвалта отдохнуть.

– Купишь мне свиной окорок, – тут же хлопнул меня по плечу Карл. – А лучше – два.

– И еще – семян цветочных на рассаду прикупи сразу, – донеслось до меня с другого конца стола, это Эль Гракх решил поразвлечься за мой счет. – Придет весна – устроишь цветник, для душевного успокоения.

– Садовник, милый мой садовник, – хрустальным голосом пропела Миралинда. – Ты погадай мне на цветах.

– Счастливая ты, де Фюрьи, – елейно произнесла Аманда. – Будущий супруг – мастер цветов. В твоем королевстве подобное оценят по достоинству, у вас же любят красоту.

Вот чего она нарывается, а? И так Рози злая как собака сидит. Красота – в ее родном Асторге, который всегда и везде полагается на крепость своих клинков? Да там любителя цветов не прикончат только по той причине, что безумцев убивать – плохая примета. Они не наш наставник, они в приметы верят.

– Так, те, кого я назвал, к рассвету будьте у входа, – Ворон встал с кресла. – Ждать никого не буду. И никаких лошадей – пешие прогулки полезны.

Глава шестая

Если Ворон нас к чему и приучил – так это просыпаться быстро и в нужное время. Ладно я – у меня с подобным и раньше проблем не возникало, но даже Агнесс, которая, по ее собственным словам, раньше десяти часов утра из постели дома не вылезала, будить не пришлось. Солнце только-только позолотило верхушки елей, когда мы подошли к выходу из замка – и ни у кого из нас не было сонного

лица.

Ворон, впрочем, был уже там.

– Вот все-таки вы скверные подмастерья, – сообщил он нам вместо приветствия. – Прямо зло берет.

Мы были уже ученые, мы промолчали, никто не стал выяснять, в чем наша вина. Спроси у него что-нибудь – и потянется целая цепочка наших грехов. Оно нам надо?

Ворон подождал, посопел и пытливо взглянул на Луизу.

– Что мы сделали не так? – обреченно пробормотала та.

– Вы не дали мне предлога повозмущаться на тему того, насколько нынешняя молодежь любит поспать, – обличительно произнес наставник, вскинув голову. – Разве ж это дело? Того и гляди, скоро мне вас хвалить придется, а такого я допустить никак не могу.

Его магейшество шутить изволят. Хвала богам, а то я уж начал жалеть о том, что иду в Кранненхерст.

– Ладно, – Ворон осмотрел нас. – Вроде оделись не сильно легко, что правильно, на улице-то нынче холодно. Поморозитесь еще, трать на вас потом снадобья.

На дворе и впрямь стоял крепкий мороз, как в середине зимы прямо. А ведь она еще и не начиналась даже. Бедная де Прюльи, дитя теплого Юга. С ее-то непереносимостью холода – и такой колотун!

– Агнесс, ты бы осталась, – явно о том же подумала Луиза, только выйдя на улицу и высунув носик из меха воротника. – Ну ее, это прогулку.

В этот момент поднялся ветер и швырнул южанке снег в лицо.

– Твоя правда, де ла Мале, – де Прюльи чихнула. – Что я в этой деревне не видала? Разве что медовые коржики. Эраст, купишь мне десяток?

– Почему нет? – я поплотнее закутался в меховой плащ. – Десятка хватит? Может – побольше?

Де Прюльи мне нравилась, да и о ее родителях я сохранил самые теплые воспоминания, потому услужить ей в подобной мелочи мне было не сильно сложно.

– Если принесешь побольше – не обижусь, – и Агнесс юркнула за дверь, в спасительное тепло.

Снег, которого нападало на удивление немало, бодро поскрипывал под нашими ногами.

Ворон шагал впереди.

– Учитель, а можно вопрос? – поинтересовался Жакоб, от которого валил пар. Он еще в том году раздобыл где-то длиннющий тулуп из овчины, и с тех пор ему холодно не бывало никогда. Наоборот – ему жарко зимой было.

– Спрашивай, – благодушно разрешил наставник.

– А вот как так – мы дорогу от замка не чистим, Тюба, понятное дело, тоже – а она всегда вон ровная, хоть танцуй. Это магия?

Умеет Жакоб удивить. Я вот на эту тему ни в том году не задумывался, ни в этом. Не надо по сугробам прыгать – хвала небесам. А он вон какой, до сути хочет докопаться. Молодец – и это я говорю без иронии.

Вот ведь – простак, простак, а Ворон на него с интересом сейчас взглянул.

– Нет, это не магия, – наконец произнес наставник. – Расчет, знание человеческой психологии и хорошее владение лекарскими навыками, вот что это такое. Когда я тут поселился, то договорился с жителями Кранненхерста о том, что при необходимости буду лечить их от разных болезней, защищать от моровых поветрий их детей и скот, при необходимости давать магический отпор представителям темных конфессий – в общем, много чего пообещал. А они мне за это будут дороги от снега чистить, кое-какие припасы подбрасывать, ну и

работников давать, если понадобится что-то в замке подлатать. Им хорошо – и мне хорошо.

– Что-то не сильно часто они вас о чем-то просят, – заметила Фриша.

И верно – я ни разу не видел местных жителей ни в самом замке, ни даже у его стен.

– Просят, просят, – заверил ее Ворон. – Куда они денутся. У них, конечно, есть цирюльник, который может пустить кровь или выдрать заболевший зуб, но его пациенты с равной вероятностью как излечиваются, так и переселяются на местное кладбище, так что ходят они ко мне со своими хворями. А какой из этого вывод? Если маг толковый и прилежно изучал не только способы убить ближнего своего, но и вылечить его, то он на кусок хлеба себе всегда заработает. Да и сносную жизнь себе тоже обеспечит.

– Лучше все-таки не сносную, а добротную, – не удержался я. – Иначе в чем смысл?

– Добротная жизнь предполагает приближенность мага к источникам благосостояния, то есть к людям, обладающим той или иной властью, – очень серьезно произнес Ворон. – Близ власти всегда ходит смерть. Я ее не боюсь, но и не зову, потому предпочитаю жизнь сносную. Но тут каждый выбирает сам для себя. Мне, например, достаточно того, что у меня уже есть, а ваше решение останется за вами.

Когда мы вошли в деревню, солнце уже светило вовсю и жизнь в селении кипела. Слышалось мычание коров, крепко сбитые молодки о чем-то спорили у колодца, что находился на главной площади, там же, рядом со своими телегами, доверху наполненными мешками, стояли обозники, которые, переночевав в Кранненхерсте, явно собирались отправиться в дальнейший путь. Ну, с ними все понятно – в этих краях по ночам будет передвигаться только безумец. И холодно, и опасностей полным-полно – если разбойники глотку в темноте не перережут, так волки сожрут. Паршивые тут места, что уж, то ли дело у нас, в благопристойном Лесном Краю.

– Так, – Ворон, войдя в Кранненхерст, остановился. – Все, можете развлекаться по своему усмотрению. В обратный путь отправимся еще до темноты, имейте в

виду. Жакоб, фон Рут – готовьте спины, пойдем не налегке.

– Да много ли мы вдвоем утащим? – засомневался я. – Пару мешков с чем-нибудь. Не проще вон возчика из местных подрядить? Дело не в лени, а только в разумности происходящего.

– Подряди, – не стал спорить Ворон. – Почему нет? За свой счет.

Странный он все-таки у нас, делов-то на пару серебряных, даже жадный до денег я в таком случае не скуплюсь. Спина – она одна, сорвешь – новую не выдадут. А станет ли Ворон лечить подобную хворобу – бабушка надвое сказала. На соучеников же надежды немного, нога-то у меня до сих пор по вечерам ноет.

Там же, на площади, мы расстались. Девушки отправились к каким-то торговкам, они об этом еще по дороге договорились, Ворон направился к дому старосты, Жакоб было попытался затащить меня в корчму, но я сунул ему несколько монет, велел заказать еды и объяснил, что перед трапезой есть у меня желание навестить одну местную вдовушку, с которой я еще той зимой сошелся, на платной основе, разумеется. Звучало это реалистично, и мой простоватый приятель поверил в это сходу, причем даже пообещал ничего не рассказывать Рози, хотя и не одобрил того, что за это дело я трачу живую монету. По его разумению, оплачивать подобные забавы – непозволительная роскошь.

– Эраст, погоди, – остановил он меня, когда я уже двинулся по главной улице деревни. – А возчик-то? Возчика нанять еще надо. Ворону обещано было, а ты его знаешь, он такое не забывает. Если что – он же нам потом жизни не даст, как тот комар на болоте.

– Возчика нанять надо, – согласился с ним я. – Ладно, беру это на себя. Марта-то всех здесь знает, может, присоветует кого.

– И то верно, – обрадовался Жакоб и хлопнул своими лапищами, на которые были натянуты рукавицы. – Бабы – они всегда всё знают, даже то, что им и знать-то не положено. Ну, я тогда в корчму?

– Скажи корчмарю, чтобы он пару окороков подготовил на вынос, – попросил я его. – Карла порадуем. И пусть еще кого-нибудь за медовыми коржиками

пошлет, если у него их нет.

– Ага, – и Жакоб бодро затопал к зданию корчмы, из печной трубы которой поднимался вверх изрядный столб дыма. Там уже что-то готовилось, несмотря на ранний час. Хотя – это по нашим меркам ранний час, а тут-то жизнь еще до рассвета начинает бурлить. На улице темнота – а хозяйки уже печи затапливают, остывшие за ночь, а корчмарь и того раньше встает, вон, тех же обозников кормить ведь надо?

По-моему, в первый раз я шел к дому, который снял Агриппа, особо не озираясь. А смысл? Деревенским до меня дела нет, а все наши – кто где.

Впрочем, подходя дому с приметным издалека флюгером в виде кота, сидящего верхом на собаке, я все-таки огляделся, – а мало ли?

Но – нет, улица была пуста, ни единой души на ней не наблюдалось. Впрочем, не только на ней – в доме, судя по навесному тяжеленному замку на калитке, тоже никого не было.

Я достал из напоясной сумки ключи, что мне некогда дал Агриппа, и сунул один из них в замок. Не подошел. Стало быть, вот этот от ворот, а этот – от входной двери в дом. Вот и славно.

В доме было ожидаемо пусто, холодно и пахло мышами. И еще здесь было пыльно, что, впрочем, меня не удивило. Подозреваю, что последний раз мокрой тряпкой тут орудовали в те времена, когда дом еще не сдавался в аренду. Сомневаюсь я, что Агриппа станет не то что здесь, а где-либо вообще наводить чистоту. Вот беспорядок – это да, это его.

На столе тоже обнаружился слой пыли, не такой толстый, как на шкафах или печи, но он был. Значит, точно не появлялся тут мой наставник в светских премудростях с тех пор, как мы с ним здесь встречались в последний раз. Странно, думал, что осенью он сюда наведается, хотя бы даже для того, чтобы выяснить – жив я или нет.

Не наведался. Если бы он тут побывал – точно посидел бы за столом, выпил пяток бутылок вина и съел бы жареную курицу или гуся. Я его привычки уже немного изучил – стоит ему хоть где-то прислонить задницу, он тут же либо ест,

либо спит, либо подгребает под себя девку. Если верить Карлу, так ведут себя все профессиональные вояки.

Немного подумав, я нарисовал пальцем на пыльном столе небольшую рожицу и написал: «Вот и зима наступает». Если Агриппа сюда пожалует, он точно увидит эти мои художества и поймет, что я жив и сюда заходил.

А в целом – не сильно я и расстроился, что нет новостей от моего нанимателя и его телохранителя. Если в том году моя цель была проста – выжить и по возможности сквитаться с хитрым магом, который меня посадил на цепь, то сейчас планы изменились. Мне этого было уже мало. Меня поманили более высокой целью, причем даже не одной, и плясать под чью-то дудку мне стало неинтересно. Нет, вставать в позу и говорить тому же мастеру Гаю нечто вроде: «Поди прочь, постылый, не слуга я тебе отныне» у меня в планах не числится, я еще не окончательно сошел с ума, но и делать все, что он скажет – это перебор. Тем более, что не такие уж и убийственные козыри у него на руках, как показало время. Хотя – мастер Гай не мог не понимать, что в том случае, если я выживу в первый год обучения, то пойму шаткость его позиций, и это меня настораживало. Он очень умный и расчетливый маг, значит – есть у него что-то, чем он меня к стенке может припереть. Кроме Агриппы, разумеется, которого со счетов списывать не стоит.

И тем не менее – я не собираюсь вот так просто расставаться с тем, чего уже достиг и уж тем более с тем, что маячит впереди. А там у меня такой выбор дорог и направлений! Например – супружество с Рози и теплое местечко при королевском дворе в Асторге. Чем не карьера для воришки из трущоб Раймилла? Рози, конечно, гадюка та еще, но при этом умна, красива и я ей нужен. Или – можно потрудиться в качестве вольного мага на просторах Рагеллона, хотя это менее предпочтительный вариант. Орден Истины – он не дремлет, если что – греха не оберешься. А еще можно напроситься в гости к Гарольду, окрутить какую-нибудь из сестер и стать его родственником, он наверняка не будет против. Правда, у него дома сейчас проблемы, но и это не беда. Случись чего – это все равно еще один способ выйти в люди.

Опять же – Аманда. Пусть и изгнанная отцом – но принцесса. Принцесса и нищий. Хорошее название для пьески, которые на городских площадях показывают бродячие комедианты.

Ну, и наконец – Виталия. Без дрожи я ее вспоминать не могу, но это, скажем так, та змея, за которую всегда может схватиться утопающий. За ней – конклав, а это сила. Та сила, с которой пока даже Орден Истины мирится. Хотя – нет. Судя по всему, в этом же конклаве и мастер Гай на первых ролях, так что – не вариант.

Да и вообще – это все мечты, мечты… Мой наниматель – он на меня даже магическую силу тратить не будет. Он просто отдаст короткий приказ Агриппе, тот меня в вечерних сумерках встретит, ножом по горлу чиркнет – и конец всем моим мечтам и устремлениям. Простой, кровавый и бестолковый конец.

Ладно, что тут сидеть, мерзнуть. Надо возчика найти да в корчму идти, может, там какими новостями разживусь. А если мой друг-простак спросит – чего так быстро, скажу, что нет Марты дома, не сложилось у меня сегодня с женским теплом и лаской. Он поймет и посочувствует. Хорошо все-таки, что даже в нашем кругу есть такие люди, как Жакоб, которые все делают от чистой души.

Вот только где этого возчика искать, интересно? Не ломиться же во все дома, со словами: «Не отвезете нас в Вороний замок?». Может, и отвезут, а может, и за топор возьмутся. Не в чести мы здесь, это и в том году было понятно. Наставника терпят, поскольку он селянам полезен, а нас, его учеников, откровенно не жалуют. В больших городах к магам относятся безразлично, путешествие это доказало. А вот селяне нашего брата с давних времен не любят, и, если верить рассказам Ворона – за дело. Маги прошлого особо с ними не церемонились – и детей забирали, и их самих губили не задумываясь, особенно когда новые заклинания обкатывали. Так что – времена изменились, а память поколений – она осталась.

Я замкнул двери на замки и повертел головой. Вон за теми домами должна быть улица, которая меня приведет к торговцам лошадьми и сеном, если кто что и знает про интересующий меня вопрос – так это они.

И я почти дошел до того места, куда собирался, но вот только по дороге увидел картину, которая заставила меня остановиться и, сделав пару шагов в сторону, спрятаться за стволом высоченной заснеженной ели, росшей рядом с забором. Есть такая традиция в герцогствах – при постройке деревни не все деревья под топор или пилу отправляются, некоторые жалеют и оставляют себе расти, в основном елки да березы. Опять же – сельские поверья, в городах старых богов, тех, что были в незапамятные времена, давно позабывали, а тут еще жива родовая память, помнят, как пням молились.

Как по мне – хороший обычай. Да еще и вон, полезный, мне эта елка ох как пригодилась. И обзор из-за нее был хороший – меня не видно, а передо мной вся картина как на ладони.

И картина прелюбопытнейшая. Я такую компанию вместе увидеть никак не ожидал. Мой наставник Ворон, рядом с ним стоит двухметрового роста верзила-рыцарь с лысой, как коленка, головой. Почему рыцарь? А кто же еще, я их довольно повидал летом, вон как голову гордо держит. Опять же – на черном, подбитым мехом плаще, золотыми нитями вышит герб, на боку длинный меч, да еще и кольчуга вон на солнце то и дело поблескивает. Точно рыцарь. Или гвардеец из нерядовых, сотник, а то и тысячник, родом из благородных. Слева от него похлопывал в ладоши изрядно замерзший представитель ордена Истины, причем высокопоставленный – по краю черного капюшона, снятого в данный момент с головы и откинутого на меховой воротник шубы, в которую чернец закутался, вон красная оторочка идет, я ее отчетливо вижу. Стало быть – кто-то из Высшего совета Ордена, не иначе, это их отличительный знак. И до кучи – статная черноволосая женщина, при одном виде которой у меня сразу глаза заслезились и в груди как огнем пыхнуло. Вот зачем ее вспоминал недавно? Накаркал. Мистресс Виталия, собственной персоной.

Еще неподалеку от них отирался какой-то потный толстяк с круглым медным амулетом на груди. Не иначе как местный староста. К разговору его не допустили, понятное дело, но и уйти он не может – эдакие господа в деревню пожаловали, как тут уйдешь?

Вопрос – что могло свести воедино подобную компанию? И что ей надо от нашего наставника?

Ворон, кстати, явно был недоволен течением разговора, знаю я это выражение лица. Ну вот, точно, он дослушал то, что ему говорил рыцарь и резко ответил, взмахнув рукой. Вот же, ничего не слышно, совсем. Понять бы хоть, о чем речь идет. А если они требуют у него наши головы? Хотя – при чем тут тогда рыцарь и Виталия? Им-то мы зачем нужны?

Служитель Ордена дослушал Ворона и что-то ему сказал, выдав добрую, не сказать ласковую улыбку. Как видно – убеждает его в чем-то.

К разговору подключилась и Виталия, она как-то так очень по-женски оперлась на плечо наставника и провела ладонью по его щеке.

Тот резко дернул плечом, сбрасывая её руку и помотал головой.

– … решения нет, – донесся до меня громкий голос рыцаря, он снова вступил в беседу, громко чеканя слова. – Это ваш долг!

Решения – чего? Ой, не нравится мне все это.

Ворон совсем насупился, нехорошо глядя на собеседников. Виталия вновь выдала белозубую улыбку и что-то произнесла, разведя руками. Тут было понятно, что она хотела сказать, мол: «Куда ты денешься, когда разденешься».

Наставник погонял желваки на скулах и что-то ответил, как видно то, что от него и добивались, поскольку с лица рыцаря пропала суровость, Виталия хлопнула в ладоши, а высокопоставленный представитель Ордена удовлетворенно улыбнулся.

Ворон кивнул этой троице, поманил к себе толстяка-старосту, и они ушли в дом. Его собеседники перекинулись несколькими фразами, лица у них были очень довольные.

– Дядька, а ты чего тут делаешь? – раздалось у меня за спиной.

Я повернулся и увидел пацаненка лет семи, в тулупчике, в треухе и с деревянной лопаткой в руках.

– Ничего я тут не делаю, – раздраженно ответил я ему. – Иди, иди отсюда, мальчик.

– Это моя елка, – грозно заявил сопляк и замахнулся на меня лопаткой. – А ну пговаливай отсюда!

Я фыркнул и снова посмотрел туда, где только что стояли люди, которые были достойны попасть в любой зал славы. На моей памяти кто-то впервые сумел убедить Ворона сделать то, чего он не хочет. Ну да, я его знаю всего ничего, но

мне почему-то казалось, что подобное невозможно.

А там никого уже и не было.

«Бум»! Что-то, надо полагать, как раз та самая лопатка мальчугана, впечаталось мне пониже спины.

– Пговаливай! – заорал он. – Это мой двог и моя елка! У меня тут убежище!

– Сначала «р» научись выговаривать! – разозлился я. – Елка его, посмотрите-ка! Мелочь кагтавая!

– Вот я сейчас бгату пожалуюсь, – пообещал мне пацаненок. – Вот он тебе задаст!

И этот маленький паршивец ужом ввинтился в лаз под забором, через который он сюда и попал. Оно и понятно – зачем ему калитка, так-то удобнее.

Брата я ждать не стал. Бояться я его не боялся, не хватало еще, но и лишние конфликты рядом с тем домом, где сейчас находился Ворон, мне были не нужны. Ни к чему ему знать, что я что-то видел. Лишнее это.

Дав небольшой крюк по соседней улице, я таки добрался до коновязей, где нашел пару уже с утра поддатых торговцев лошадьми, которые подрабатывали и извозом, а потому после небольшого торга я подрядил одного из них на поездку, причем сумма была если не символической, то точно небольшой. Я бы и больше заплатил, лишь бы на себе в горку мешки не тащить, и дело тут не в лени. Хотя и в ней тоже, чего греха таить.

Жакоб тем временем устроился в корчме как дома. Он занял дальний стол у окна, и был этот стол уже заставлен разнообразной снедью, которую мой приятель методично уничтожал. Как он столько на пару серебрушек смог заказать-то? Или старый добрый корчмарь Иоганн Литке поверил ему в долг? С трудом в это верится.

– Эраст, – с набитым ртом проговорил Жакоб, приятно мне напомнив Карла. Они вообще были во многом схожи – оба здоровые, прожорливые и незлопамятные. –

Я тебе вон, свининки велел принести, с хреном, и с горчицей, и еще с яичницей. Одобряешь?

В глазах Жакоба плескалось счастье, а бараньей костью, которую он обгладывал, при желании можно было орудовать как дубинкой.

– Прекрасно, – я нагнулся над большой, как щит, деревянной тарелкой, на которой лежало, наверное, полхрюшки, втянул в себя аромат жареного мяса и почти искренне сказал: – Дивно! Ты окорока заказал для Карла?

– Ох ты! – Жакоб даже жевать перестал. – Забыл! Как сюда входил – помнил, а потом едой-то пахнуло – я и забыл. Каши-то с солониной ох как надоели, нормального мяса хотелось до ужаса. Сейчас схожу.

– Сиди, – остановил я его, порадовавшись про себя. – Ешь. Я сам схожу.

По лицу Жакоба было видно, что ему неловко за беспамятность, но челюсти его снова заработали, методично пережевывая огромные ломти баранины.

Да, такого дома держать – не прокормишь. Не завидую я той, кто его выберет в мужья или сожители. На одну еду работать будут.

Иоганна я нашел в кухне, он орал на поварят, которые что-то то ли сожгли, то ли, наоборот, не дожарили.

– Эта, – надувая щеки, вещал он. – Я из вашего жалования все до грошика вычту, да! Вы у меня, эта, попомните нынешний день!

– Мое почтение, мастер Иоганн, – постучал я его пальцем по спине. – Смотрю, вы все в трудах да заботах?

– Так эта, – повернулся ко мне корчмарь. – Идиоты же! Два фунта отменной вырезки – псам на съедение. Даже наши пьянчуги такое есть не станут. Даже за полцены.

– Какие два? – подал голос один из поварят, выглядевший постарше остальных. – Там и половины этого не было.

– Поговори мне еще! – вызверился Литке и снова посмотрел на меня, как видно, вспоминая мое имя. Лицо-то он узнал, а вот имя – забыл. – Пошли отсюда вон! Все! Быстро, быстро. Господин… мнэ-э-э-э…

– Эраст, – дождавшись, пока поварята покинут кухню, напомнил ему я. – Друг одного нашего общего знакомого.

– Да чей вы друг я помню, – Йоганн криво усмехнулся. – Давно, правда, вашего приятеля видно не было. С весны, почитай, не появлялся.

– Так дел у него полно, – пояснил я. – Приедет, куда он денется.

– Поди знай, – покачал круглой головой Йоганн. – По нынешним временам загадывать сложно. Начиналось-то все как безделица – ну варвары, ну с островов. А что в итоге вышло?

– А что в итоге вышло? – озадаченно переспросил я.

Понятия не имею, о чем он говорит. Нет, догадываюсь, не совсем же я дурак, но хотелось бы конкретики.

– Хотя да, – Йоганн потер толстопалые руки. – Вы же в замке-то своем, эта, сидите, не знаете ничего. Война у нас, милсдарь Эраст, самая что ни на есть настоящая. С Ледяными островами, будь они неладны.

– Так с ними давно воюют, – уточнил я. – С весны, почитай.

– Воюют давно, – согласился корчмарь. – Да война вот только-только началась.

– По порядку давай, – попросил я его. – Со всеми деталями.

Скажу честно – где-то на уровне ощущений эта новость поселила во мне беспокойство. С чего – непонятно. Война далеко, да и не наша она, отношения к ней мы не имеем, но вот как-то беспокойно стало вдруг.

Корчмарь при всей своей внешней недалекости оказался на редкость хорошим рассказчиком. Он умел выделять и пересказывать главное, не распыляясь на кучи мелких и незначительных фактов. Нет, Ворон на занятиях не раз говорил нам, что все на свете, а особенно информация, имеет цену и ценность, потому ненужных фактов нет, какими бы незначительными они ни казались. Но в данном случае я предпочитал услышать главное, мелкие детали были не так уж и нужны.

Оказывается, еще месяца два назад варвары с Ледяных островов обзавелись приличных размеров флотом, который появился у них буквально ниоткуда. Незадолго до этого большинство их кораблей, которые они назвали «фрэки», были сожжены или утоплены – и тут на тебе. Десятки новых «фрэки», да получше старых – борта у них были выше и народу на себя они забирали больше.

Мало того – у варваров появилась магическая поддержка, что было делом и вовсе неслыханным. И еще союзники – крепкие и очень умелые воины в кольчужных доспехах и в закрытых шлемах, что наводило на странные мысли. То, что варварам кто-то взялся помогать, было ясно, но кто именно – соединенные силы герцогств и королевств Запада понять не могли. Не получалось у них взять в плен хотя бы одного из этих таинственных воинов живьем, а мертвых северяне всегда утаскивали с собой, зачастую даже рискуя при этом жизнью. Вроде бы плевое дело – взять да добыть хотя бы одного из этих странных бойцов, которых заглазно из-за их закрытых шлемов прозвали «безликими», живым или мертвым, а вот все никак.

Главный удар был нанесен в середине сентября, вскоре после того, как мы уже вернулись в замок. Кстати, – прибудь мы на недельку попозже – и попали бы прямиком в эту свистопляску.

Удар был неожиданный и очень мощный. Потери измерялись чуть ли не сотнями убитых воинов, были потеряны обозы с припасами и с десяток кораблей, на счастье их в тот день в гавани было не так много у причалов. Но не это было самым скверным. Самым скверным было то, что варвары выбили объединенные силы с побережья вглубь континента, после чего немедленно закрепились на берегах Западного моря. Гавани и морские пути, исконно принадлежавшие герцогам, были потеряны.

Естественно, все побережье они захватить не могли – оно было слишком протяженным, но оно все им было и не сильно нужно. Некогда, еще во времена

Империи, первые гавани Западного моря были поставлены именно там, где сейчас и развернулась баталия между соединенным войском и варварами. Как с тех пор повелось – так и продолжалось по сей день, – гавани были только там, в бухте Северного Ветра, так называлось это место, и больше их нигде не ставили. Небольших пирсов, вроде того, на который нас высадил в финале нашего летнего путешествия капитан Муртах, было много, но порт, причалы, доки – это было только в бухте Северного Ветра. Само собой, там было не только это, там был еще город, приличных размеров торжище, пара деревенек поблизости. И теперь это все было в руках обитателей Ледяных островов.

Войска пытались отбить все назад, но ничего у них не получилось, тем более что перевес в людях теперь был у варваров. До того они брали умением, а теперь еще и числом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vasil-ev_andrey/ogni-nad-volnami

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити